

КАТЭР ВЭЙ

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ОТ
ВТОРОГО СОТВОРЕНИЯ МИРА

МЕНЯ ЗОВУТ
ВОРН

ИДДК

Две тысячи лет от второго сотворения мира

Катэр Вэй

Меня зовут Ворн

«ИДДК»

2019

Вэй К.

Меня зовут Ворн / К. Вэй — «ИДДК», 2019 — (Две тысячи лет от второго сотворения мира)

На плечи подростка упала не лёгкая ноша – изменить целый мир, а он об этом даже не подозревает и просто пытается выжить во враждебной среде. Куда приведут извилистые дороги Империи юного героя? Сколько опасных приключений заготовила ему злодейка-судьба? Сможет ли он выбраться из подземного города, кишашего мутантами-людоедами? Осознав, что в одиночку ему ничего не добиться, он начинает искать союзников. И это, не обязательно люди...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Катэр Вэй

Две тысячи лет от второго сотворения мира

Книга 2

Меня зовут Ворн

Пролог

Багряные лучи заходящего солнца озарили стены города кровавым светом, наполняя людские сердца удивлением, восхищением, непониманием и инстинктивным страхом. Всполохи молний внезапно разразившейся среди ясного неба грозы еще не утихли, и липкий вонючий туман с запахом химической кислоты, который своим неожиданным появлением навел на жителей столько различных домыслов и паники, постепенно начал редеть, развеиваться, исчезать. Часть города исчезла, а на его месте образовался совершенно незнакомый ландшафт. Заметившие это люди в растерянности стояли у границы среза, отделяющего их мир от нового. Они еще не знали, что для большинства из них этот закат – последний.

Кто-то из зевак вдруг заметил на новообразовавшемся пригорке машину – внедорожник военного образца, весь обвешанный решетками, отбойниками и острозаточенной наваренной арматурой, торчащей во все стороны, словно иглы дикобраза, а рядом странных людей с оружием.

– Говорил я тебе, давай в лесочку постоим, покаместь перезагрузка завершится, а ты «поглядеть хочу, поглядеть хочу». Тьфу, растудыть твою коромысло! Сами как на обозрении тут, вон, плятятся уже все сюда, – недовольно бурчал здоровенный бородатый детина неопределенного возраста на белого, словно мел, парня с нечеловечески яркими синими глазами, одетого в черную, как смоль форму.

Подобный цветовой контраст многих непривычных вводил в ступор, но Мухе нравилось, когда на него смотрели ошалело. Белым он был не от страха перед гневом великана, а просто кожа у него такая, потому как и не человек он вовсе – скреббер двуногий. Стоящий рядом еще один парнишка, одетый в «песчанку» и с валом на плече, кучерявый, очень похожий на типичного еврея, примирительно хлопнул здоровяка по локтю.

– Да ладно тебе, Леший, ну каждый раз одно и то же, и мне надоело уже «в лесочку» сидеть. Это же быстрый кластер, ща раз-раз и все сделаем. А лазерное шоу при переносе и вправду красивое, сам же залюбовался. Тем более, сегодня на закат попали. Эх, ляпота, – он усмехнулся, с хитринкой во взгляде посмотрев на бородатого детину.

На капоте машины сидел мальчишка лет тринадцати, не больше, и с улыбкой наблюдал за говорившими.

– Будя вам ща представление, – с досадой отмахнулся Леший от говорившего, – ща, налюбуетесь. А ты че заперся туды? – обратил он внимания на мальчика. – Тоже мне, лыбится сидит. Чего с Доком не остался? Нашелся тут, наездник хренов.

Он покачал головой и, заметив на краю леса движение, уже во весь свой бас рявкнул:

– Так, по коням все! Время пошло. Пора хабар вывозить и иммунных отлавливать, покуда крупняк на обед не пожаловал! Эгей! Вона, наши уже в город покатили! – указал на вереницу машин, выехавших из пролеска по направлению к городу, а сам втиснулся на заднее сидение.

Муха уселся за руль, а его товарищ плюхнулся рядом. Мальчишка ловко соскочил на землю и, свистнув в два пальца, уставился в сторону леса. Вскоре оттуда показалась здоровенная зубастая тварь серо-оливкового цвета. Даже на вид ее кожа казалась шершавой, а на ощупь была хуже наждака. Мощные пластины природной брони и острые шипы украшали чудовище, но больше всего в глаза кидался череп, нарисованный на предплечье белой краской. Мальчишка махнул рукой отъезжающей машине и, цепляясь за шипастые наросты подошедшего чудища, проворно взобрался тому на спину.

– Ну, что, Умник, поехали иммунных искать, – хлопнул он монстра по шее и, вцепившись в край брони, зажмурился от предвкушения скорости.

Тут же сорвавшись с места, Умник понесся неимоверно быстро, как камень, выпущенный из пращи. Почти севшее за линию горизонта солнце прощально грело спину мальчишки, а давно нестриженные волосы развивались на ветру темными кудрями. Взрывник был счастлив. Он был дома, в Стиксе.

– Калин, вернись Калин...

* * *

С трудом разлепив глаза, мальчик увидел расплывчатый силуэт человека, склонившегося над ним. Кроме мерного бормотания непонятных слов он расслышал потрескивание огня на фоне многоголосого гомона.

– Ну, вот и молодец, – сказал склонившийся над ним человек, перестав бормотать свой речитатив, – ну, вот и отлично. Слава Богу.

Голос звучал тихо, устало, но мягкий низкий тембр баюкал слух, успокаивал. Сознание плавно погрузилось в сон. На этот раз в самый обычный, простой сон, даже без сновидений.

Глава 1

Запах... странный, непривычный и довольно неприятный – пахло землей, немного гарью и еще чем-то кислым.

«Туман?!» – в ужасе подумал Взрывник и тут же распахнул глаза. Подскочил на ноги. Полумрак разжигал слабый желтоватый свет, проникающий сквозь стены. Стены, изрисованные прожилками венозной системы. И тут же в голове вспыхнули воспоминания о том, где остановился их отряд на дневку, и что здание оказалось вовсе и не зданием, а страшным существом – Лоно. И он теперь не Взрывник больше, он Калин.

«Я жив? Цел? Еще не переварили? – скакали мысли яркими вспышками, поставляя в мозг картинки его путешествия, пока он сам лихорадочно ощупывал себя и стену. Лаки, Норг, Нушик... – Вот черт! Живы ли? Где я? Где они?»

Паника потихоньку накатывала все больше и больше.

– Мрук.

– Полкаша? – узнав голос друга, Калин несказанно обрадовался. – Полкаша, дружище, – стараясь не орать, на всякий случай, шепотом позвал мальчик и, всматриваясь в пространство, попытался отыскать в помещении мрякула.

У противоположной стены стояла люлька. Обычная детская люлька, а в ней кто-то копошился, усердно фыркая и порывивая. Стараясь ступать как можно мягче и тише, мальчик подошел ближе. Завернутый, словно куколка бабочки, там лежал Полкан и тщетно силился высвободиться. Аккуратно взяв мрякула на руки, Калин размотал темное тряпье и, прижав к груди зверя, уже более внимательно осмотрелся. Что-то не очень на желудок смахивает комната эта. Хотя воняет тут прилично, но все же кажется, это обычное жилище... или снова глюк? Продолжая поглаживать мрякула, Калин неспешно прошелся по помещению и, вернувшись к месту, на котором лежал до своего внезапного пробуждения, уселся. Котомыш, переместившись на колени мальчика, слегка выпустил когти, но тут же их втянул, прогнул спину, ластясь о руку, замурчал, натурально так, прямо как настоящий кот. Немного потоптавшись и потершись о Калина, зверек принялся вылизываться, наводя лоск на всклокоченной шерсти.

Мальчик прислушался – там, за стеной, откуда проникал свет, говорили люди. Много людей. Они ходили, общались, стучали, что-то чистили или точили. Где-то вдали резвилась детвора и хныкал младенец – за этими стенами кипела жизнь. Странно, как он раньше не обратил внимание на такое количество звуков? От удивления брови вздернулись вверх, и только сейчас он обратил внимание на полог – вход в шатер. Судя по форме и деревянным стропилам, на которые и была натянута выделанная грубая кожа, сшитая из множества кусков, он находился именно в шатре. Ну, или в очень большой самодельной палатке. Протянув к стене руку, мальчик ощупал ее, убедившись в своей догадке полностью, и собрался подняться, чтобы посмотреть, что же там, снаружи, как вдруг полог откинулся, и внутрь вошел человек. Маленький, худой и низкий, ростом меньше, чем сам Калин, но разглядеть вошедшего лучше не давал ослепляющий свет от светильника, который тот нес с собой.

– Гляжу, проснулся уже, – прозвучал детский девчачий голосок, но тоном совершенно серьезным. – А ты добрый, зверюшку приручил, заботишься о нем. Зверь, он чувствует доброту.

Раздвинув полы своей меховой юбки, она присела на край лежака, поставила источник света на деревянную табуретку, а затем, не произнеся ни слова, положила перед Калином деревянную миску, большую и глубокую, со вставленной туда ложкой.

– Ешь.

Голос ее хоть и звучал пискляво, но при этом был тихим и, казалось, отдавал эхом, словно потусторонний. Привыкнув к яркому свету, Калин присмотрелся к девочке. Поставив поднос

на пол, она уселась поудобней – сложила ноги по-турецки – и тоже изучала Калина своими светящимися в полумраке фиолетовыми глазами.

Мальчик моргнул несколько раз, прищурился, но нет, глаза ее были именно фиолетовыми, мерцающими, точно два пурпурных огонька. Такого необычного цвета не может быть у человека, ровно как и подобных волос у маленькой девочки – пепельно-стального оттенка. Они торчали во все стороны, и если бы не сдерживающий их плетеный ободок, то, наверное, они не касались бы ее плеч, как сейчас, а топорщились бы, словно от удара током. Но и это было не самым удивительным в ее внешности. На лице девочки сквозь бледную белесую кожу проступали черные, бугрящиеся венозной системой тонкие нити жуткой паутины. Длиннополое платье, сшитое из кусков шкурки пушистых зверьков бурого, желтого и различных оттенков фиолетового и синего цветов так же добавляло необычности ее виду. А вот ноги босые, без обуви, и даже простых обмоток на них Калин не увидел.

Сердце мальчика пропустило удар. Незнакомка была... ее нельзя назвать красивой, но, увидев хоть раз, точно никогда не забудешь, намертво отложится в памяти.

Уголки бледно-розовых губ разошлись в стороны. Она хихикнула, обнажив белесые зубы. – Ешь, пока не остыло. Мной еще успеешь налюбоваться.

Калин смутился. Уши и щеки предательски запыхали. Он очень надеялся, что при подобном освещении его смущение останется незамеченным.

Мрякул чихнул, а затем ткнулся мордой в ногу своего друга. Словно выйдя из оцепенения, мальчик спешно взял в руки тарелку, поставил ее на колени и, с предвкушением вкусно поесть, втянул парящий аромат... Глаза его сами собой собрались к переносице, туда же сползли и брови. С подозрением глядя в тарелку, он размешал ложкой содержимое. Мрякул, видимо, тоже уловил непередаваемые «ароматы» и, чихнув, замотал головой, потер нос лапой, затем разом раскрыл крылья и прыгнул-порхнул на стенку, вцепившись в грубую кожу когтями. Резво взобрался под потолок, где и затих, поглядывая своими глазами-бусинами то на еду, то на людей. Подобное поведение зверька еще больше поселило в душе сомнения в съедобности этого зеленоватого варева с плавающими в нем бурными ошметками.

– А...

– Все вопросы после, – безапелляционно произнесла девочка, покачав головой. Сеть вен на ее лице отдалась при этом легкой пульсацией.

Передумав задавать какие-либо вопросы, Калин подчерпнул ложкой жижку, косясь на незнакомку, все же решился попробовать, надеясь, что на вкус оно более съедобно, нежели на запах. Но обоняние не обмануло – носки, приправленные тухлой рыбой, паленой резиной и тонной жгучего перца, видимо, так и должны пахнуть.

Месиво, чем бы оно ни было, едва оказавшись во рту, незамедлительно опалило все, что можно. Лицо тут же покраснело, покрывшись испариной, а на глаза накатили слезы. Не в силах это проглотить, но и удерживать в себе тоже уже не в силах, Калин как можно деликатнее отвернулся и выплюнул все прямо на пол.

Высунув язык, задышал часто-часто, стараясь остудить пожар во рту, при этом нагоняя ветер руками. Он махал ими, чуть ли не стучая себя по носу.

Девочка захихикала.

– На, запей, – протянула она кувшин с белой жидкостью в нем. – С непривычки у всех так. Дед Карман говорит, что это лучшее лекарство, и он сам для тебя его готовил.

– Пусть сам тогда и ест... – сипло ответил мальчик, тяжело дыша.

– Тебе нужно восстановить силы. Ешь давай!

– Не-а, – замотал Калин головой, отставляя в сторону миску, – я и так себя нормально чувствую, спасибо.

– Ешь, говорю, не противься, – и голос ее зазвучал словно эхом из бочки, а взгляд стал таким, что Калин понял, лучше не спорить.

Он нехотя взял тарелку обратно и жалобно посмотрел на жуткого вида девочку, но та лишь сунула ему в руки кружку.

– Пей, а потом ешь. Это молоко моши, оно собьет огонь во рту, и будет легче. Пей и ешь. Нехотя парень приступил к трапезе, с трудом сдерживая рвотные порывы.

Пока он давился с жалобным видом, незнакомка с интересом наблюдала за ним, накручивая на палец прядь пепельных волос. Наконец-то эта попытка подошла к завершению, тарелка опустела.

– Спасибо, – еле выдавил из себя Калин, отвесив ей благодарственный кивок, чисто из уважения, хотя на самом деле хотелось послать куда подальше.

Девочка расплылась в улыбке, прикрыв глаза. Потом распахнула их и ткнула в себя пальцем.

– Меня зовут Нара. А тебя, мне сказали, Калин?

– Мряк! – с потолка раздался недовольный звук и шорох.

Дети только подняли взгляд, а черная тень, юркнув на пол, уже хотела сунуть морду в кувшин с молоком. Только рука Нары оказалась стремительней, спасла кувшин от разорения мрякулом.

Девочка прижала кувшинчик к груди, точно младенца, и хмуро посмотрела на зверька.

– А ты не лезь, куда не просят!

Зверь и Нара сверлили друг дружку взглядами, при этом Полкан даже слегка порыкивал, сфокусировав плотоядный взгляд на кувшине.

– Да ладно тебе. Дай ему, он проголодался.

Девочка покосилась на Калина. Надула щеки.

– Он меня укусил, когда я его пыталась кормить. Только старику без ног неохотно давался и еду брал лишь у него.

– Старику без ног? – Калин растерянно приоткрыл рот.

– Этому, с поверхности. У него еще глаза такие злые-злые, печальные, но очень сердце доброе. Так Дед Карман сказал.

– Лаки? – мальчик почувствовал, что он что-то пропустил. – Подожди! Сколько я...

– Четыре дня, – девочка подняла глаза к потолку. – Да, где-то так. Ешь давай! Потом расскажу, – она показала кулак мрякулу. – А ты – цыц! Пошипипи мне тут!

Дальнейший рассказ Нары оказался крайне любопытен. С ее слов сознание Калина попало в некий «Лабиринт Психеи», так сказал дед Карман. Что это и с чем это едят, взрослые не стали распространяться, ограничившись тем, что из него, мол, не все возвращаются. А если возвращаются, не все сохраняют рассудок. Дед Карман почти трое суток не спал – вытягивал его из этого лабиринта своим даром. В их клане только у четверых есть подобный дар, но у Кармана он очень сильный, потому что лет деду уже много, а она еще так не умеет. Опасно это – к человеку в голову проникать, можно навсегда там остаться, и тогда оба погибнут. Но дед, он умный, многое знает.

Калин задумался. Что это за такой многомудрый дед? Надо бы выяснить.

– Подожди! – вдруг осенило мальчишку, и он уставился на Нару, которая деловито собирала посуду обратно на поднос. – Но если оттуда возвращаются безумцы, то откуда вы знали, что я вернусь нормальный? Как они могли тебя пустить к потенциально опасному человеку? Я ведь мог тебе навредить.

– Да ничего опасного в тебе нет. Карман тебя еще вчера вытянул, а потом ты просто уснул, а у дядьки моего тоже дар хороший – он наперед может посмотреть, ну, то, что будет. Так что, Калин, ты бы связанный проснулся, если чего не так.

– А кто твой дядька, провидец, что ли?

– Нет, его Гобла зовут. А Провидца у нас в клане вообще нету, ты, верно, спутал с кем-то.

– Гобла? – голова у мальчика начала медленно закипать от переизбытка информации.

Мрякул, надутый, лежа у ног хозяина, недовольно мрякнул. Рука Калина сама собой скользнула зверю на голову.

Далее рассказ незаметно сместился в сторону... глотов.

– Разве Гобла глот?

Мальчик получил ложкой по лбу. Ложкой. Которая сама собой поднялась в воздух и вмазалась между бровей. Потирая уши, мальчик покосился на Нору. Та, скрестив руки, смотрела на него недовольно, поджав губы. Ее вены проступили чуть сильнее, заметно пульсировали. Между тем ложка, описав дугу, приземлилась обратно в пиалу.

– Никогда не говори, что мы глоты! Понял? А то обижусь, – тон ее голоса был холодный, жесткий.

Калину чем-то напомнило Борга, когда его ученик серьезно косячил. Или Лаки, когда тот становился по-настоящему злым.

С ее слов «глоты» в их среде – чуть ли не самое страшное ругательство, которым можно наградить таких, как она, жителей старых городов. Сами себя те называли «Хуманы». Глотами хуманы презрительно называли или своих недругов, или же... глотов.

Глоты – те, кто потерял разум, окончательно отдавшись «Во власть зверя Вавльского» (так говорит Дед Карман!) Иначе говоря, оскотинившиеся, совершенно одичавшие твари, которым уже давно безразлично, кого и как жрать. Ими управляет лишь жажда крови. Потому и глоты. Выглядят... жутко. Полностью безумны.

Хуманы же вполне цивилизные ребята. Не считая того, что их внешний вид может вызвать дикий ужас и икоту у обычного человека. Они умеют читать и писать, есть своя религия и обучение будущей профессии, куда берут в ученики с семилетнего возраста. Только после обряда становления сдают экзамен на мастера и являются полноценными членами общины. Нора уже третий год обучается у Кармана, так как является носителем такого же дара и собирается стать целителем клана и говорящей с духами.

– Ты, Калин, не пугайся внешнего вида наших жителей, не переживай, тебя никто не обидит, ты же гость у нас! – говорила она, улыбаясь.

Итак, Калин находился в подземелье приблизительно четверо суток, а до этого несколько дней на поверхности. Но раньше перенести его сюда не получалось – было очень опасно. Так что выходит, что он в этом Лабиринте Психеи пробыл гораздо дольше, чем сказала Нора. И да, по ее рассказам это подземные туннели, вырытые предками еще до начала нового мира. Зачем предкам нужны были эти подземелья, если те жили в высоких домах на поверхности, девочка не понимала, но она искренне радовалась, что предки создали нижний город, а иначе не было бы их, хуманов. Все бы стали глотами или мечеными.

При упоминании меченых девочка зябко передернула плечами. Видимо они ее страшили больше, чем безумные глоты. Она быстро сменила тему и сказала, что за эти четыре дня кого только в шатре не было – хуманы приходили посмотреть на особенного мальчика, и даже пошел слух, что это именно тот, кого послали предки для их спасения. Что именно этот отрок выведет их род обратно к солнцу. Но Карман быстро всех прогнал, а она, Нора, все это время заботилась о нем, ухаживала.

– И даже несмотря на то, что мне всего десять, – гордо заявила девочка, – я уже знаю много про врачевание и по уходу за больными, и даже могу делать перевязки, – с этими словами она подмигнула и, взяв поднос, направилась к выходу.

– Постой, Нора, оставь молоко. Пожалуйста.

Девочка недовольно вздохнула.

– Ну, ладно, ладно, – покачав головой, она нехотя поставила кувшин на пол, с укором глянув на мрякула. – Но только потому, что ты попросил, – и уже почти выйдя наружу, добавила: – Я скоро вернусь за тобой. Тебя ждут.

Нара вернулась довольно быстро. Полкаша сидел с довольным видом и чистил морду после еды. Завидев девочку, он тут же напыжился, словно меховой шар, и быстро юркнул за спину Калина.

– Ну, что, собрался? Идем? – прозвенела она, словно колокольчик.

– Нам собраться ток подпоясаться. Да, Полкаша? – криво ухмыльнувшись, пошутил мальчик и поднялся с лежака. Подхватив под пузо недовольного мрякула, он направился к выходу. – Все, готовы мы. Пошли.

* * *

Вокруг него раскинулся самый настоящий город. Хотя городом это не назовешь, скорее кочевой лагерь или стоянка индейцев. Но главное – он шумел и кипел бурной жизнью.

Ряды самошитных палаток, подобных той, из которой он только что вышел, расходились во все стороны широким веером. Повсюду горели костры, на веревках, натянутых между палаток, сушились вещи. У стен лежали различные предметы утвари, сушились растянутые на дыбах шкуры, кучками лежали видимо нужные в быту части мутантов: кости, зубы, когти, черепа. Люди, вернее, хуманы занимались своей повседневной рутинной: одни оружие точили, другие мастерили чего-то, третьи есть готовили. Детвора носилась, оголтело пиная сшитое подобие мяча, а те, что помладше, возились рядом с женщинами. Вид этих существ и в самом деле ввел мальчика в некий ступор. По сравнению с ними Нара со своими черными венами выглядела просто идеалом человеческой красоты. Где-то в районе горла мальчик почувствовал вставший ком и подступившую тошноту – такого разнообразия мутаций он себе даже и вообразить не мог.

Костры давали много света, позволяя оглядеть пещеру во всей красе. Потолок был довольно высок, структура гладкая, без наростов, но щербатая, с трещинами и рельефом. Цвет рознился: в большинстве своем грязно-серый, где-то переходил в рыжий, черный... Пол такой же щербатый и грубый, но ровный, да и стены полностью идентичны. А сама пещера, хоть и большая, но прямоугольная, с колоннами, соединяющими пол с потолком. В памяти мальчика шевельнулось что-то знакомое, ранее виденное, но он так ничего и не вспомнил. Обратил внимание на то, что Хуманы предпочитали ходить по камню босиком, хотя на некоторых обувь была. И еще на то, что костры жгли не на дровах, а на брикетах, и этих брикетов почти у каждой палатки лежало довольно много. Калин, как самый настоящий ребенок, лупал глазами и крутил по сторонам головой, наблюдая и вслушиваясь в бурлящую какофонию жизни. Вот две женщины, уложив белье в ванночки, подхватили их и пошли куда-то вдаль от лагеря, вероятно, к воде. Лица их закрывали вуали, прятавшие облик.

Нара шла неспеша. Видя, с каким любопытством гость разглядывает ее племя, девочка улыбалась.

Дети прошли мимо группы мужчин, собравшихся вокруг костра. Видно, что это охотники. Они правили оружие, затаив явно боевую песнь. Слов ее мальчик не понял, но мотив ему понравился.

Пройдя еще немного, Калин обратил внимание на еще одну группу, сидевшую вокруг костра, над которым на вертеле жарилось неизвестное мальчику животное размером со среднюю собаку. Эти хуманы ели, пили, громко смеялись и... курили.

Присмотревшись, Калин заметил там Лаки – его было сложно не узнать. Безногий старик, греясь у синеватого пламени, был занят тем, что пытался раскурить длинную деревянную трубку и, пуская густые клубы дыма, кашлял, утирая слезы, мотал головой, но вновь прикладывался к мундштуку. Рядом с ним, как обычно, расположился Нушик. Усевшись по-турецки, он ел мясо с костра, и количество костей, приличной горкой сложенных рядом с ним, как бы намекало, что пожар в самом разгаре.

– Ну, как тебе, Калин? – из состояния транса и неподвижности мальчика вывела Нара, ловко щелкнув по носу.

– ... вас много, – ответил тот после секундного замешательства.

Девочка хихикнула.

– Это еще не много. Вот когда большой базар собирается – не протолкнуться просто. Или... – в этом месте улыбка ее сама собой увяла, – ...если меченых биты идут. Против них все собираются вместе, – ее глаза уставились в пол.

Калин покосился на девочку и поднял бровь в ожидании продолжения.

– Все, пошли, тебя ждут! – Нара, помотав головой, припустила в сторону костра, где расположились Лаки и компания.

Калин, сам не понимал, почему так обрадовался, увидев этого старого обманщика, и очень надеялся, что и остальных ребят он тоже сейчас встретит. Он поспешил вслед за Нарой, огибая различные препятствия на своем пути.

– Деда! – Нара обратилась к хуману, сидевшему спиной к подошедшим. – Вот он, – кивнула в сторону немного растерянного парнишки, – я привела его.

Калин обратил внимание, что волосы этого старика были такого же цвета, как и у девочки – пепельно-стальные, только совершенно прямые, длинные, по самые плечи. Передняя часть головы облысела до середины и сверху, стоя над сидящим человеком, хорошо было видно кожу. Она отдавала неестественной для живого человека синюшностью и была покрыта темными разводами.

– Здоров ты спать, малой, – пробубнил с набитым ртом Ньюша, обгрызая здоровенную кость и в то же время приветствуя мальчика.

Калин в ответ лишь кивнул и уставился в макушку деда, который так и не повернулся к нему лицом, продолжая смотреть на огонь.

Лаки, расплывшись в блаженной улыбке, старательно пытался сосредоточить свой блуждающий взгляд на детях, и как только ему это удалось, оскалился еще шире с протяжным «ы-ы-ы...»

Нара, прикрыв ладошкой рот, рассмеялась.

– Люциков перекурил, – шепнула девочка. – Ничего, с непривычки все такие. Пройдет скоро.

– Ну, присаживайся, чего встал, словно копые проглотил, – указал на свободное место тот, кого девочка назвала дедой. – Ну-с, молодой человек, будем знакомы, – протянул он руку, не снимая перчатки. – Дед Карман. Можно просто по имени, – и повернулся.

– Кх... – поперхнулся мальчишка воздухом и громко сглотнул. Нара вновь захихикала.

Дав Калину немного времени прийти в себя, старый хуман ровным и мягким баритоном учтиво поинтересовался:

– Ну, все, успокоился?

Калин кивнул, продолжая таращиться на обезображенное лицо, и до успокоения его нервной системы было еще ох как далеко. Складывалось впечатление, что когда-то давно этому хуману плеснули в лицо кислотой или кипятком. Неровно зажившая кожа оттенка несвежего трупа была изукрашена темными оплывшими разводами. Если присмотреться, было видно явное сходство этих разводов с узорами из вен на лице Нары. И если ее цвет лица был просто бледный, то дед походил на ожившего мертвяка. А его зубы, мелкие и острые, словно у пираний, едва скрывались за практически отсутствующими губами. Глаза, видимо, в молодости, были синими, но сейчас белесая пленка, как у дохлой рыбы, сделала их мутными, неживыми. Непроизвольно по телу мальчика пробежала дрожь. Он передернул плечами и густо покраснел.

– Простите, просто... я видел вас во сне. Только сон тот такой явный был... и там... – опустив голову, Калин уткнулся взглядом в угли, переливающиеся оттенками белого, зеленого и синего.

– И там ты меня пытался убить всякий раз, как только я пытался с тобой поговорить, – усмехнулся Карман. – Да, твоя реакция значительно усложнила мне задачу, но все же мы справились, – подмигнул он мальчику. – У тебя крепкий дух и хорошая голова. Я видел то, что видел ты, и теперь у меня очень много вопросов к тебе, Взрывник.

Глава 2

Прошло три дня с тех пор, как Калин очнулся, а Гоблы, Норга и Грини все еще не было. Куда и зачем их отослали Карман и Лаки, мальчику сказать отказались, отделавшись лишь общей фразой «по делу». Но зато все эти дни старый мутант просто замучивал мальчишку расспросами о прошлой жизни и тех мирах, которые видел ребенок.

– Это радиация вас так изуродовала, – пытался мальчишка втолковать деду свою версию изменения тел.

Они сидели вдвоем в палатке Кармана, и как раз было время еды. На завтраки и ужины местные не разделяли трапезу. Просто было время еды, время сна, время работы и время отдыха, и видимо, определяли это время они интуитивно, на уровне инстинкта, выработанного многими поколениями, так как ни часов, ни солнца под землей не было.

Отломав кусок грубой лепешки, Калин собрал им остатки зеленоватого пюре с плоской глиняной тарелки и сунул в рот. Еда непривычная для него, но за годы скитаний и передряг мальчишка научился питаться тем, что есть, потому как бывало такое, что и сырой ящерке или личинке жука был рад, а не то, что какой-то там каше из грибов с бобовыми. А может, и не фасоль то вовсе, но похоже. Да и ладно, есть можно, а это главное.

– Не знаю я, молодой человек, о чем ты говоришь, но это нас Бог такими сотворил, а не радиация. Старый мир рухнул, а те, кто выжил, изменились. Мы стали сильнее, быстрее и умеем то, о чем вы, чистые, и помыслить не можете. Хуманы не уроды, мы просто новые люди, более приспособленные к теперешнему миру. Жизнь в мертвых землях суровая, но, смею заметить, более честная, и без обид, Калин, но ваш народ зажрался и вновь катится в пропасть мрака.

– Ну, вообще-то я такой же мутант, как и вы, – немного обиделся мальчик. – И это не мой народ и не мой мир, сам же все видел.

Калин поставил вычищенную тарелку на низенький столик, за которым они сидели прямо на полу.

– Видел, видел, – вздохнул Карман, потеряв подбородок, – поэтому и хочу, чтобы ты мне рассказал все более подробно. Пока Гобла не вернулся, со мной поживешь, а там он тебя до Николота проводит, не переживай.

– А когда он вернется?

– Думаю, дней за пять обернутся туда и обратно, ну, может, задержатся немного. В дороге ведь всякое случается, так что располагайся пока на его койке. Я вещи твои перенес. Вон там лежат.

Калин глянул в указанном направлении. И действительно, его вещмешок стоял у кушетки, на которой вполне по-хозяйски растянулся довольный жизнью мрякул и сладко посапывал, иногда дергая лапами. Видимо, бежал во сне.

– Карман, а это имя у тебя или прозвище?

– Имя.

– Странное.

– Чего же тут странного? Имя как имя. Плохое, что ли? – доев свою порцию каши, Карман неспешно принялся собирать опустевшую посуду.

– Та не, нормальное, особенно по сравнению с Гонореей, Дизентерией или Зайцем так вообще супер.

– А чем тебе эти имена не нравятся? Хорошие имена, звучные, красивые. И кстати, древние, еще из того мира, прошлого. Так что гордиться надо тем, что мы умудрились сохранить частицы наших пращуров, а не хихикать тут. Прояви уважение к предкам, мальчишка, – дед

вполне серьезно посмотрел своими «мертвыми» глазами прямо в лицо улыбающегося Калина, но взгляд этот ничуть не утихомирил, а наоборот, еще больше развеселил ребенка.

– Да-да, знаю я, что из прошлого, – не в силах сдержаться, он вновь захихикал. – Ну, да ладно. Чего я только тут уже не встречал, так что не именам удивляться. Проехали, – с трудом стянув улыбку, махнул рукой и принялся помогать деду.

– Ты вот мне лучше скажи, чего за оружие у вас там такое было, и можно ли тут сотворить нечто подобное?

– Не, Карман, не выйдет. Это, понимаешь ли, высшие технологии, – дернув бровью, хмыкнул с толикой сожаления Калин. – Эх, как был бы я рад хотя бы старенькому АКСу. А какие у меня кевларовые штаны с рубахой были, м-м-м, закачаешься! А ботинки... – и глянув на свои нынешние, он тяжело вздохнул. – Не то, что эти.

При воспоминании о своих прошлых вещах Калину взгрустнулось. Тут ему многого не доставало, хоть и казалось, что привык уже, но, даже мысленно побывав в более продвинутом технологически мире, он понял, насколько ему не хватает повседневных бытовых вещей.

– Ты мне тут непонятными словами не кидайся. Поясни.

– Ну, кевлар – это материал такой, очень прочный. Он как железо, но только удобный и тонкий, на ткань грубую похож. От ножа убережь может, особенно если удар режущий, ну, и от когтей, клыков, конечно же. Легкий он, не то, что железяки эти ваши. А АКС – это оружие, про которое ты спрашивал. Видел же сам, бывает оружие разным и по силе убойной тоже отличается. Гранаты – вещь хорошая, ва-аще убойная. Жаль, я не знаю, как порох делается, а то можно было бы собрать петарду или даже бомбу, – глянув на недовольную мину Кармана, Калин тут же пояснил: – Порох – это основа взрывного устройства, ну, порошок такой. Малая искра, и ба-бах! – развел руками вверх и в стороны, показывая взрыв.

– «Ба-бах», говоришь? – нахмутив брови, о чем-то задумался Карман. – А ну, пойдём-ка со мной, – все с тем же задумчивым видом поднялся он на ноги, почесывая синюшную лысину, – покажу тебе чего.

* * *

Проведя в поселении Хуман несколько дней и изрядно излазив все закоулки, конечно же, не без помощи везде сующей свой нос Нары, Калин понял, что его так смутило в этой якобы пещере. То оказалась огромная подземная автостоянка аж в целых шесть этажей, и на четырех из них жили кланы – на каждом этаже отдельный клан, насчитывающий больше сотни представителей, типа маленькой, отдельной деревеньки. Брат из чужого клана себе жену считалось правильным, а если девушка оказывалась из дальнего клана, а были и дальние, потому как по всему городу существовало несколько подобных селений, то такие пары имели большие шансы на рождение «чистого» ребенка. Итого в этом месте проживало почти шесть сотен хуман, а другие два этажа были поделены пополам между «деревеньками» под хозяйственные нужды. Вот туда-то и привел старый мутант мальчишку – в отсек с мастерскими. Сеть коридоров с множеством комнат, еще древней постройки. Видимо раньше тут были магазины или офисы, а теперь мастерские, складские помещения и прочее.

– Шумно тут, – заметил Калин, – и воняет сильно.

К запаху на жилых этажах он давно привык, но эти ароматы были куда как насыщенной. Карман на его слова лишь усмехнулся.

Здесь Калин впервые увидел работу кузнецов. Свой мастер по железу был и в его деревне, да и по пути часто встречались, но в саму кузницу заходить и наблюдать за рождением клинка или какой другой вещи ему никогда не доводилось. Один парень длинными клещами удерживал раскаленную заготовку на наковальне, а двое других поочередно стучали по ней молот-

ками. Тот, кто махал здоровенным молотом, делал один удар, а более мелкий два удара кряду. Так и звенело в ушах: тук-тук, бам! Тук-тук, бам!

Калин наблюдал за рождением нового клинка, словно зачарованный. Карман же похозяйски уселся на перевернутый вверх дном бочонок с новенькими ободами, и закинув ногу на ногу, о чем-то задумался. Стал схож с греческим мыслителем.

– Все, хорош! – сказал тот, который бил огромным молотом. – Куняй его.

И заготовку тут же сунули в чан с водой. Металл взвизгнул, зашипел. Вода вокруг тут же вскипела. Облако пара, вырвавшись из чана, ударило в потолок и быстро разошлось в стороны. Калину показалось, что в помещении стало еще жарче. Все трое были оголены до пояса, взмылены, как кони, и волосы у них длинные, до плеч, одинаково заплетены были в две косы. Лоб стягивал кожаный обод. Разнились рост и телосложение. Тот, кто заготовку держал, выглядел словно жердь – длинный и худой. С малым молотком здоровый и слегка горбатый, но мускулатура у обоих вырисовывалась четко. А вот третий и вовсе походил на Халка, не до конца обретшего человеческий облик.

Отозвав в сторону самого огромного из троицы, Карман перекинулся с ним несколькими фразами.

– Дальше сами, – бросил он товарищам и вышел.

Вернулся уже умытый и переодетый. Старик призывно махнул Клину рукой, и мужчины вышли из жаркого шумного помещения.

Кузнец по виду практически ничем не отличался от обычного, как тут называют, «чистого» человека, и даже слегка показался знакомым на лицо. Если не смотреть на его непропорционально длинные и слишком массивные руки, то мальчик мог бы предположить, что этот хуман так же, как и Гобла, выходит в город, и возможно, Калин его где-то встречал, потому лицо и запомнил. Но кулак этого кузнеца был равен его же голове, а сами руки в диаметре как три довольно накачанные человеческие. С таким отклонением от норм он точно не мог покинуть пределы пустоши без летального исхода для себя.

«Точно, Халк, – подумал Калин, разглядывая мужчину со спины. – Таким кулаком если треснет, то не только голова, но и кожа на жопе лопнет».

Он улыбнулся своим мыслям и представил кузнеца в зеленом цвете. От этого улыбка его растянулась еще шире. Кузнец мельком глянул на парнишку, но промолчал. Они подошли к закрытой деревянной двери. «Халк» вынул увесистую связку больших ключей и, выбрав нужный, отпер навесной замок. Помещение оказалось узким, но довольно длинным. Тут стояли различные короба и плетеные корзины. Все закрытые, поэтому разглядеть, что в них хранилось, мальчику не удалось.

– Вот, посмотри, – подозвал Карман Калина поближе к коробу литров на десять, под самый верх засыпанного желтоватым порошком, крышку которого держал в руках кузнец. – Это порох? Похож?

Калин от удивления даже рот открыл и опрометью бросился к ящику. Пощупал, понюхал и даже лизнул, после чего скривился и долго отплеывался.

– Нет, не он, – расстроился мальчик не меньше, чем Карман, услышавший отрицательный ответ. – Что это?

– Налет со стены, – ответил старик опечаленным тоном. – В прошлый сезон пекла у нас пятеро ребят погибло из-за этого порошка и лишь один выжил. После полез обратно в завалы, чтобы докопаться до истины. Настырный оказался. Но в том был его личный интерес. Пост у нас располагался там, и как рассказал выживший, пока первые отсыпались после смены, вторая тройка решила настойки из люциков тяпнуть. На посту, паршивцы, да тут командир проснулся, ну, и разорался, естественно. Тот, кто выжил, от криков тоже поднялся, глянул на скандал, да решил не мешать и пошел отлить. Это его и спасло. Говорит, видел, как Лидий фляжку у них отобрал и со злостью швырнул в стену. Вспышка случилась сразу, ослепительная, да

громыхнуло, словно бог небесный осерчал. Парень от силы того грохота по сей день почти ничего не слышит, а когда нашли его, еле живого, то из ушей кровь шла.

– Ясно дело, контузило от взрыва, – кивнул Калин, вмиг став не по-детски серьезным.

– Ну, так вот, – продолжил Карман свой рассказ, набрав в ладонь этого порошка и струйкой высыпая его обратно, – в той смене брат его погиб, и люди твердили, что это Бог их покарал за то, что они в жены родных сестер взяли. Нельзя такие браки допускать, грешно сие, но те не послушали, и их выгнали из клана, а я принял в свой. Жалко стало, да и ребята те охотники отличные, грех таким добром раскидываться. Вот он и полез, чтобы доказать людям, что дело было не в каре Господней, а в чем-то другом. Долго он там пропадал, а потом снова громыхнуло, но на этот раз не так сильно, как в прошлый. Народ уже подумал, что Бог и этого грешника покарал, но нет, явился счастливый. Нашел он отгадку. Вот в этом порошке она и в той злосчастной настойке как раз и оказалась. Стоит их соединить, то, как ты сказал, бабахнет. И чем больше порошка, тем сильнее будет звук и разрушения. Вот я и подумал, когда ты про порох сказал, что это оно и есть. Не знаю, зачем, но я приказал запоминать все места, где встречается подобный налет, и соскабливать его. Собрали много, а вот как использовать его, я пока не придумал. Понимаю, что штука очень полезна, но вот где и как применить?

– Интересно девки пляшут, – крепко задумавшись, полез Калин своей пятерней чесать затылок. – Соединяешь два вещества и ба-бах... – тихонько пробормотал он себе под нос. – Карман, а взрывается сразу же, или с промежутком во времени?

– Сразу. Стоит капнуть, и тут же грохот.

– А на огонь реагирует или только на настойку?

– С огнем не пробовали, – Карман посмотрел на кузнеца, который все это время стоял молча в сторонке.

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет, – повторился Карман, – не пробовали.

Весь остаток вечера до времени сна Калин, Карман и кузнец, которого звали Колотуха, провели, испытывая порошок с настойкой в различных вариациях, естественно, в минимальных дозах. Вернувшись в палатку, Калин и Карман легли спать, договорившись завтра еще поэкспериментировать, но у мальчугана сон не шел ни в какую. В голове его роились мысли о взрыв-веществе и его использовании.

Глава 3

В подземелье без солнечного света время потерялось, и организм подростка быстро подстроился под местный график жизни. Спал, когда все, ел также и работал вместе с Карманом над проектом «ба-бах» – так в шутку назвал их занятие мальчишка. Карман одобрил. О ежедневных тренировках Калин тоже не забывал. Даже если бы и захотел забыть, Нушик бы ему просто не позволил. Он гонял мальчишку сильнее, чем прежде. Почему, Калин лишь гадал. Причин на то могло быть много, но задавать вопросы он пока не хотел. В первый день тренировок вокруг них собрался поглазеть практически весь клан, а на второй несколько мальчишек и даже один взрослый хуман попросились в ученики, но Нушик им отказал.

– Нет, – уперся он, глядя из-под своих косматых бровей на подростка, когда тот, уловив момент одиночества, попытался уговорить принять тех, кто просился. – Ничему я их за несколько дней не научу, только нервы зря попорчу. Да и не положено. Лаки осерчает.

– Будто ему дело есть, – фыркнул Калин. – Он как сюда попал, так не просыхает. – Вон, глянь, – взглядом указал в сторону самой крайней палатки, где у небольшого костерка сидели двое. – День только начался, а он уже с кружкой в руках. Сегодня, может, ребята придут, а этот и лыка не вяжет. Еще немного, и сам светиться начнет, как хуман. Да и вообще, Лаки тут столько пьет много и курит, капут просто. Раньше не замечал за ним подобного поведения, – Калин раздраженно пнул ногой лежащую на полу уже давно сухую кость.

Нушик тяжело вздохнул, и плечи его при этом опустились, согнув спину колесом. В раз стал понурый и словно постарел немного.

– Ай, ну его, – махнул он рукой. – Ты, мелкий, много чего не знаешь... Пусть пьет. Это он так горе свое переживает. В очередной раз у разбитого корыта остался.

– А схроны? Разве заначек нету? Да в жизни не поверю, чтобы такой прожеванный старикан, как Лаки, и заначек на черный день не оставил.

Нушик скосил удивленный и в то же время хитрый взгляд на мальчика. Слегка улыбнулся одним краем губ.

– Ты, Калин, как вернулся из «Лабиринта», так вообще тебя не понять стало. Раньше чего странного если и ляпнешь, то редко, а сейчас постоянно слова новые и неизвестные. Да и натурой ты слегка поменялся. Не разберу, в чем, но иной стал, чувствую, – внимательно глянув в глаза мальчишки, он протянул раскрытую ладонь к его голове и, добродушно улыбувшись, растрепал кудри. – Хороший ты паренек, но странный.

Давно нестриженные черные волнистые волосы торчали в разные стороны и часто мешали, спадая на глаза, а теперь, взъерошенные, и вовсе стали похожи на птичье гнездо. Калин дунул вверх, согнав вновь упавшую на глаза прядку, и, потеряв кулаком нос, коротко вздохнул.

– Это у меня из-за того, что я, когда спал, думал, что другой жизнью живу. Оттуда и слова эти прицепились. Ничего, пройдет, – кивнул он, как бы подтверждая свои слова. – Скоро вновь прежним стану. Слушай, а что это за дружок у шефа нашего появился? И чего у них общего, не понимаю? Ты видал, какой он красавчик? Страшнее, кажись, только Карман и то потому, что он на мертвяка похож. А этот... челюсть сбоку, зубы на второй ряд заходят, нарост на лбу и глаза ядовито-желтые. Брр, – передернулся всем телом. – Он мне даже приснился раз. Капец просто. Так и не уснул потом.

Нушик усмехнулся.

– Ты и не уснул? Да ни в жизнь не поверю. Бреешь как дышишь, – он смотрел на мальчика с ироничным выражением на лице и слегка качал головой.

И тут «завучала» песня. Говорившие обернулись на звук. Двое собутыльников – Лаки и его товарищ – сидя в обнимку и раскачиваясь из стороны в сторону, горланили во всю глотку песнь про шторм и бравого моряка.

– Ну, вот, – вздохнул Калин, – о чем я и говорил. И кстати, насчет глаз, ты знаешь, почему у многих хуман глаза светятся, а у некоторых даже кожа?

Ответом была лишь легкая снисходительная улыбка мужчины. Нушик молча на краткий миг положил свою широкую ладонь на плечо подростка, хмыкнул, видимо каким-то своим мыслям и, убрав руку, пошел в небольшой шатер, который им с Лаки любезно выделили местные.

– А потому, – продолжил мальчик, поспешивший следом, не дожидаясь слов товарища, – что они грибы, Люцики, повсюду пихают. Карман мне рассказал, что это есть основа их жизни. Добавляют Люцики в лекарства, курят, гонят алкоголь, а отработку пускают на удобрение для посадок, еще фонари из них делают. «Светляк» называется. Видал, может? Он как палочка, и если там лапку повернуть, впустить воздух внутрь, то трубка начинает ярко светиться. Классная штука, удобная.

– Это да, видал такой, у Гоблы, – нагнувшись Нушик откинул полог, служащий дверью, и вошел в жилище. – Для посадок чего? У них что, поля где-то?

– Да хрен его знает, – ответил Калин и по-хозяйски залез в котелок своим обеденным ножом. Выудил оттуда кус мяса и уселся прямо на пол, рядом с потухшим очагом. – Нет, скорее всего, огороды, – пробубнил он с набитым ртом. – Теплицы точно есть, мне Нара говорила, но туда меня не водили. Еще скотина и птица в хозяйстве имеются. Своими глазами не видел, но девчонка рассказывала, – доев первый кус мяса, потянулся за вторым. – Не, все же у тебя стряпня куда как лучше Кармановой. Ты же не против? – вопросительно глянул он на Нушика, понимая, что слегка борзее.

Мужчина возился с топливом, нарезаая его тонкими пластинами для розжига.

– Ешь, ешь, – пробубнил он, не глядя на Калина. – Хуманову стряпню и я есть не в силах, хотя раньше думал, что всеяден. Хорошая это штука, – имея в виду топливо, сказал, продолжая свое занятие. – Интересно, как они его делают. В походе бы сгодилось, когда дров нема. Горит долго, расхода мало и по весу легкий. Поговорю с Карманом, может, продаст немного.

– Угу, хорошая штука, и мне приглянулась. А еще про светляков нужно спросить и еще про кое-чего. Есть у меня идея одна...

Судя по прищуренному взгляду, мальчишка явно задумал некую хитрость, и это не ускользнуло от молчаливого, но внимательного Нушика.

– Скотина, говоришь? Неужели плаксуны тут у них, под землей живут?

– Не знаю, – пожал Калин плечами, – может, и живут. Молоко-то есть.

Немного помолчав, погруженный в свои мысли, Нушик спросил:

– А давай-ка чаю выпьем? – и повесил котелок с водой над разгорающимся огнем.

– Не, – зевнул мальчишка и почесал поясницу. – За еду спасибо, но мне к Карману надо.

– Чего вы там мастерите?

– Извини, Нушик, но тайна не моя, разглашать не имею права. Старика спросить надо, может, в том нет ничего секретного, по крайней мере, для тебя, – Калин поднялся, вытирая ножик кусочком ткани. Сунул его на место – в чехол у левого бедра. – Спасибо, вкусное мясо. А со стариком я сегодня поговорю. Действительно, чего я один там мозг надрываю, пусть и тебя припашет. Одна голова хорошо, а четыре – это уже Горыныч-мутант, – усмехнулся Калин и, отсалютовав другу, пошел по своим делам.

Нушик покачал головой и, с грустью глядя в след мальчику, медленно опустил на стопку брикетов местного топлива, безвольно свесив руки, положенные на колени. В последнее время его все чаще и чаще обуревало дурное настроение. Тоска и щемящее чувство тревоги рвали, давили душу. Если бы он мог напиться так же, как Лаки, то с удовольствием бы сделал это, но его не брал ни хмель, ни дурман. То, что он не такой, как все, Нушик почувствовал еще в раннем детстве, когда, будучи в трехлетнем возрасте, мог поднять вес, равный собственному, а вскоре и того больше. Гораздо больше. Тогда он не понимал, почему за то, что он пытался

помогать старшим: принести воды, поднять бревно при постройке дома или другую тяжелую вещь подать – отец крепко ругался и даже порол, без конца поговаривая: «Не высовывайся! Будь как все!» Будучи ребенком, он сильно обижался на родителя. А мать его жалела. Обнимала и плакала.

Лет в пять Нушик обнаружил, что может бегать быстрее других детей, поймать брошенный камень на лету. Ловкий, сильный, быстрый и вообще всегда и во всем был первый, за что тоже ему вечно влетало от отца, пока в один из вечеров родители не рассказали ему про проклятых людей и про кардиналов. Шестилетний мальчуган, естественно, и так уже знал про них – друзья рассказывали всякие небылицы да страшилки, но то, что он и есть проклятый, для ребенка стало великим шоком, а после и горем. Нушик замкнулся в себе, стал угрюм, молчалив, перестал играть с другими детьми, а все больше проводил времени с родителями, в частности, с отцом. Соседи шептались, шушукались, пускали различные домыслы-сплетни, что сильно сказалось и на матери. Другие женщины сторонились ее, не звали на посиделки, не приглашали на празднования. После рассказа Гоблы про детей глотов, отданных на усыновление глотам, уже живущим среди людей, либо наоборот, в подземелье, если младенцы рождались с явными отличиями от норм, в памяти Нушика всплыл давно позабытый случай. Однажды, когда ему было лет девять, мать сильно поправилась, буквально за осень, и совсем перестала показываться во двор, а отец врал всем соседям, что она уехала к родне, и ему приказал врать, если кто допытываться станет. Так и врал, а потом, среди ночи, проснулся от шума и увидел... как мать мучается от жутких болей, а отец хлопочет вокруг. В ту ночь Нушик стал свидетелем таинства рождения.

Мать вскрикнула, и запищал младенец.

– Покажи. Покажи мне его, – попросила она тогда надрывным от слабости голосом.

Отец отрицательно покачал головой, кутая ребенка в кусок ткани. Мать, прикрыв ладошкой рот, издала протяжный стон, долгий, на одной ноте, полный душевной боли.

– Дай мне его, пожалуйста, – давась слезами, еще раз попросила она мужа.

Потом они плакали вместе, а ближе к утру отец взял этого ребенка и ушел. Выйдя утром на крыльцо, Нушик обнаружил свой двор, весь заваленный снегом. Это был первый снег в эту зиму, но так обильно, как в тот год, в самом начале зимы, он никогда еще не выпадал.

Отца не было почти две недели. Мать за это время сильно исхудала и спустя несколько дней после памятной ночи якобы вернулась от родни. Нушик не подал виду, что стал нечаянным свидетелем рождения. Родители тогда не заметили его пробуждения и думали, что старшему сыну неизвестно о появлении брата. Первые годы он часто думал о случившемся, но потом мысли те прошли, улеглись и надолго позабылись, потому что на их смену пришли другие, более трагичные. Мор, прошедший по его родным землям, прибрал почти всех жителей деревни и его мать с отцом в том числе. Схоронив родителей, двенадцатилетний подросток подпалил свою хату и ушел прочь, куда глаза глядят. Так он скитался долгие месяцы, пока не попал в портовый город, где и пристроился грузчиком.

Лаки он видел, еще когда тот был вполне здоров и полон сил. Бравый моряк по несколько раз в год заходил на своем судне к ним в порт и хорошо платил Нушику за работу, никогда не обманывал молчаливого нелюдимого подростка. Многие в порту ошибочно думали, что мальчик немой, и часто обижали, не заплатив или отобрав заработанное, называли обидными словами, но он боялся дать отпор, хоть и был гораздо сильнее многих. «Не высовывайся! Будь как все, сынок, иначе они узнают, что ты проклятый!» – намертво засели слова отца в памяти ребенка. Отовсюду его прогоняли, и даже местные бездомные отказались взять «немого» мальчишку в свое общество, но только не Лаки. Этот человек всегда широко, искренне улыбался, завидев паренька, и призывно махал, приглашая на борт. Часто угощал невиданной едой, привезенной из других стран, дарил одежду, а однажды даже нож подарил, сказав, что только рабы ходят безоружны, а он, Нушик, не раб. И однажды он пропал. Нушик сильно тосковал. Он

с замиранием сердца всматривался в морскую даль, завидев там приближающийся корабль. Надеялся, что это идет судно капитана Лаки, но так и не дождался. А когда, спустя несколько лет, увидел угрюмого калеку в заношенных вещах и узнал в нем когда-то веселого моряка, то даже растерялся от удивления. На то время Нушик уже превратился из затравленного подростка в самодостаточного мужчину.

После того, последнего разговора с капитаном Лаки и его подарка, в парне словно появился когда-то сломленный стержень. Он вновь почувствовал себя ЧЕЛОВЕКОМ и научился давать отпор обидчикам, отстаивая свое, заработанное честным трудом. Буквально спустя год, паренек накопил достаточно денег и выкупил лачугу на окраине порта. Там по сей день и проживал. За эти годы он не завел семьи, друзей, не сменил работы и обходился малым, а все заработанные деньги за их ненужностью просто складывал в глиняный кувшинчик, и когда тот наполнялся доверху, закапывал его в погребе. Ставил на полку новый кувшинчик. Всегда молчаливый по натуре своей, сейчас же на самом деле утратил дар речи. Он смотрел на безногого калеку, просящего милостыню, и не мог выдавить из себя ни слова. Открыв и закрыв несколько раз рот, как рыба, он просто снял с пояса свой кошель и, даже не глянув в него, так и положил в руку нищему, после чего быстро отошел в сторону. Но уйти не смог. Встав так, чтобы не попадаться Лаки на глаза, Нушик наблюдал за бывшим моряком до тех пор, пока к нему не подошли местные поборщики с попрошаек – взять свой процент за сбор на их территории. Нушик быстрым шагом ринулся к «браткам», без лишних разговоров пихнул одного так, что тот пролетел метра три, прежде чем приземлился. Взял за грудки второго и швырнул туда же. А третий, подняв руки, показывая, что в них ничего нету, торопливо попятился назад, бормоча:

– Нушик, прости, мы не знали, что это твой бродяга. Прости, братишка.

Оказавшись достаточно далеко, тут же рванул прочь со всех ног.

Лаки сидел с невозмутимым выражением на лице и внимательно смотрел на своего спасителя.

– Нушик? – расплываясь все в той же искренней улыбке, узнал он бывшего бродяжку-сироту.

Тот кивнул.

О том, что Нушик проклятый, оказывается, Лаки догадывался еще тогда, когда подросток, пусть и плечистый, в одиночку работал за четверых взрослых. Позже Нушик и сам сознался, рассказав другу о своем проклятье. Тогда старый моряк начал обучать его различным боевым искусствам. Что-то объяснял сам, а что-то показывал на примере других бойцов, которых они нанимали или выкупали из рабства на деньги, скопившиеся у Нушика. Бизнес, внедренный Лаки на этой земле, рос и вскоре начал приносить свои доходы.

– Зачем ты меня учишь? – как-то поинтересовался Нушик у Лаки. – Ты ведь все равно запрещаешь мне участвовать в боях на деньги.

– Зачем строят высокие стены вокруг города, если все равно в них не живут? – ответил бывший моряк вопросом на вопрос.

– Для защиты, – кивнул Нушик, поняв задумку хитреца.

– У тебя удивительное тело, ты быстр и пластичен, выносливей и сильнее тебя я пока не встречал, а владея знаниями и техникой, ты станешь самым опасным противником, которых только видел свет.

Многие годы он считал Лаки единственным, пусть и не по крови, но родным человеком, но вот уже который день мысли о прошлом не дают ему покоя. И та ночь... свербит душу, мучает разум пустыми надеждами и догадками.

Тяжело вздохнув, Нушик глянул в котелок. Вода в нем уже вовсю кипела. Чай – к этому дорогому напитку его пристрастил Лаки. Даже в самые ненастные жизненные моменты у него почти всегда имелся в запасе маленький мешочек с черными сушеными листиками. Заварив

любимый напиток, мужчина с наслаждением втянул ароматный пар и зажмурился от наслаждения.

* * *

Отработав с Карманом и Колотушкой до времени второй еды и отдыха, Калин вместе со старым мутантом отправился на обед. Спросив об участии Нушика в их проекте «ба-бах», получил одобрение.

– Почему бы и нет, – ответил Карман, блаженно вытягивая ноги. От долгого сидения на коленях они затекали и у Калина. – Парень он смысленный, не болтливый. Пусть приходит. Вы очень скоро уйдете, а мы с Колотушкой останемся с этой затеей. Ваши знания мне очень полезны. Они послужат во благо моему народу.

Опершись на локти, Карман закинул назад голову, и казалось, что он уснул, сидя в таком, на вид неудобном положении. Калин получил ответ на свой вопрос и более не собирался беспокоить старика. Пусть отдыхает. Колотушка поднялся, поклонился огню и молча ушел. Калин удивленно проводил того взглядом, но глянув на Кармана, зевнул, сладко потянулся и улегся у костра в позе эмбриона. Задремал.

Перед глазами вновь встал город на закате с ошарашенными жителями. Друзья, семья. Калейдоскоп из картинок неся, сменяясь одна за другой, перемешивая воедино все три мира – три жизни...

– Просыпайся, лежебока, – послышался низкий баритон Кармана. – Я уже и звару приготовил.

Нос мальчика уловил пряный сладковатый аромат местного напитка, «работающего» как кофе. А слух – звук наливающейся в кружку жидкости.

– На вот, взбодрись, – и запах усилился.

Калин открыл один глаз. На полу перед носом стояла глиняная кружка. Такие обычно сиротскими называют за немалые размеры.

Карман уже сидел у огня и, жмурясь, цедил напиток.

– Красиво, да-а... – протянул он, мечтательно улыбаясь.

Калин огляделся, пытаясь понять, что именно дед имеет в виду, но так ничего красивого не найдя, вопросительно уставился на собеседника.

– Города ваши красивы. Ты уж прости старого, не в меру любопытного хумана за то, что вновь влез в твою голову, но пойми и меня тоже, когда еще такого, как ты, встретить получится? Мыслию, что никогда. А знаешь, у нас тут тоже есть прекрасное. Да-да, ты вот не улыбайся так. С вечерней пересменкой пойдешь сегодня на западный верхний пост и сам все увидишь.

– Что я должен там увидеть?

– Колотушка, – обратился Карман к кузнецу, проигнорировав вопрос мальчика, – Джогу скажи, пусть перед сменой ко мне подойдет.

* * *

Город Стегляшка, как называли его хуманы. С высоты птичьего полета выглядел он сколь печально, столь и прекрасно. Зафиксированные на века здания, частично разрушенные, местами полупрозрачные, тарасили свои мертвые глазницы-окна. Пустынные улицы и ни единой травинки. Если бы не полное отсутствие растительности, наверное, не чувствовалась бы так смерть этого места – сама земля умерла, и Калин ощущал это кожей.

Мальчик стоял на краю крыши самого высокого здания в этом районе, горячий ветер дул ему в лицо, напоминая, что вокруг на многие и многие километры лишь выжженная пустыня. Солнце клонилось к закату. Именно ради этого момента его и привели на смотровую площадку.

В сегодняшней смене дозорных дежурил Джогу – новый друг Лаки. Он и привел мальчика для того, чтобы показать, как сверкает их город на закате, какие зрелища он родит, и обещал, что увиденного мальчишка не забудет до последних дней своей жизни, какой бы долгой та ни была. Когда Калин увидел, кого привел Колотушка, то сильно удивился, что этот Джогу был совершенно трезв, ведь он видел, как они вместе с Лаки квасили еще с утра. Но вдаваться в расспросы на эту тему не стал, посчитав это пока ненужным.

– Эй, малой, иди-ка сюда, – позвал его один из ребят, стоящий у бортика на крыше. – Гляди, начинается, – указал куда-то вправо.

И Калин увидел...

Едва солнце коснулось краем линии горизонта, как пронзило своими лучами остекленевший город. Преломляясь в неровных сколах, отражаясь от здания к зданию, оно рисовало сюрреалистичную картину: множество радуг неправильных форм, вспышки, отблески, всполохи, подобные северному сиянию, и тишина... почти полная, глухая тишина. Если бы не тихие звуки ветра, гуляющего среди, казалось бы, пустого города, то Калин бы подумал, что снова попал в Лабиринты Психеи. И этот далекий, но нарастающий гул, словно стая насекомых – пчелиный рой. Но нет, гудящий звук слышался отчетливо и почему-то сильно пугал. Хотя возможно, оно так и должно быть, откуда мальчику знать о местных феноменах. Хуманы то сидят вполне спокойно. Огромные от восторга карие глаза мальчишки, широко распахнутые, внимательно следили за разноцветными всполохами, гуляющими в небе, над городом и в самом городе между зданий, пронзающими стены домов и застывший транспорт. И тут он заметил столб пыли высотой почти до самого верха крыш многоэтажных зданий, и это нечто стремительно приближалось.

– Что это? – спросил он у хумана, блаженно дремавшего неподалеку.

Но тот сидел на полу, раскачиваясь, словно в трансе, совершенно не слыша вопроса. Калин растерянно окинул крышу взглядом и только сейчас понял, почему так тихо. Все восемь хуман замерли на своих местах и, закрыв глаза, с блаженными выражениями на лицах слегка покачивались. Недолго думая, со всего маху он засветил пинка ближнему мутанту – сработало! И как только тот вскочил – а случилось это моментально – и с перекошенной от ярости рожей, и без того страшнучей от рождения, кинулся на обидчика, Калин, ткнув в сторону опасности, рявкнул:

– Там!

– Матерь Божья! – затормозил тот на ходу, тут же сменив траекторию движения, ринулся к своим товарищам и давай им пощечины отвешивать.

Пара ударов сердца, и на смотровой площадке воцарилось просто дьявольское оживление. Нет, паники не было, работали слаженно и по четкому плану, просто носились, как бешеные, собирая свои вещи. В небо взмыло сразу несколько стрел, прорезая тишину пронзительным свистом. Следом еще дважды повторили, но уже вразнобой. Видно было, что каждый четко знал свою очередность, и свистульки звучали в различной тональности, неся тем самым смысловую подоплеку. Откуда-то издали слышались похожие звуки.

Радость и облегчение на миг отразились на лицах хуман, но тут же они похватили собранные вещи и кинулись к лестнице. Кто-то ухватил Калина за плечо, поволок за собой и как-то быстро пропихнул вперед себя, рявкнул в ухо:

– Беги! Быстрее беги!

Но Калин не мог передвигаться с такой скоростью, как эти существа, когда-то бывшие людьми.

– Кабурд! – рявкнул голос за спиной.

Калин боковым зрением увидел, как тот самый криволицый хуман – друг Лаки – сунул свои вещи соседу, и тут ноги мальчика потеряли опору. Его, словно мешок картошки, бесцеремонно перекинули через плечо, и скорость движения заметно увеличилась. Спустя пару мгно-

вений они уже во весь опор неслись по пустой улице, и тут Калин заметил, что следом за ними гонятся стрекуны.

– Стрекуны сзади! – сообщил он тому, кто его тащил.

Хуман не ответил, а только припустил еще быстрее, уже не оббегая, а прыгая через многочисленные преграды, встречающиеся на пути. Казалось, что уже и некуда быстрее, но однако... в ушах не только кровь пульсировала, но и ветер свистел. Резко завернув в подворотню, нырнули в окно, пробежав по длинному коридору, слетели по ступеням лестницы вниз на три пролета и очутились у широкой гермодвери, которая захлопнулась тут же, стоило им пересечь порог. Во мраке уже горел светляк.

– Интересно, все успели? – спросил кто-то, кого Калин не видел из-за своего неудобного положения, продолжая висеть на плече.

– Вернемся – узнаем, – ответил другой. – Да поставь ты мальчишку.

В дверь гулко стукнуло и интенсивно заскреблось. Один из дозорных матерно выругался.

– Это Белой стая. Они прямо за нами ломились.

– Уверен?

– Да. Я видел их, как тебя сейчас.

– Тогда открывай! – приказал явно командир группы.

Лицо парня, которому приказали впустить в помещение опасных тварей, выражало полное недоумение. У него не было ни малейшего желания впускать их в замкнутое пространство.

– Открывай, говорю! – поторопил его главный. – Или сам потом крогов отваживать будешь! Эй, – повернувшись к Калину, он схватил его за локоть, – малый, а ну скажи им, – кивнул в сторону входа, – что впустим, если смиренно посидят!

Калин зажмурился, схватившись за виски. Этот шум, который очень быстро приближался, сильно мешал сеансу связи. Глушил частоту.

– Не могу! Шумно очень.

– Ладно, хрен с ним, – ринулся хуман вперед, оттолкнув со своего пути опешившего парня. – Все, ушли все! Открываю.

Распахнул буквально на миг двери. Пять белесых тел ввалились в помещение, пихаясь и толкаясь. Дверь тут же захлопнулась. Стрекуны стояли, пошатываясь, теряя слюну, бока их ходили ходуном, а из глоток вырывался свист и сипение. Все хуманы, кроме командира и Калина, шарахнулись подальше от входа, тут же оголив свое оружие.

– Что, запыхались? – усмехнулся тот, кто их впустил.

Стрекуны прижались ближе к стене, нападать и не думали. Уши у всех были прижаты к затылку, головы опущены. Калин попытался еще раз настроиться на их волну общения. В этот раз получилось.

– Стая их разделилась, чтобы был шанс выжить хоть кому-то, – начал толмачить мальчик. – Они охотились на севере, когда пришло ОНО. Мать увела половину с собой, а его, – Калин указал на самого темного, – поставила главным и отослала со второй половиной на запад. Увидев, что хуманы тоже бегут, он принял решение, что те хитрые и знают, где есть спасительное укрытие, поэтому и вел свою стаю следом. Вот, в общем, и все, – посмотрел Калин на ребят. – Кстати, а что это за ОНО такое? Типа Лоно, что ли? Они нас о Лоно предупреждали, только мы один фиг попались.

– Нет, – задумчиво поскреб свой нарост на лбу Джогу, – это сама пустошь насылает свое смертельное колдовство, и ОНО не разбирает, кого убивать. Домой вернемся, ты у Кармана спроси, он все об этом знает. Он называет это «явление» и «аномалия». Но многие считают, что это пустошь приходит за жертвой и, пропустив ОНО через город, собирает свою дань.

– Да, многие называют это «аномалия», – кивнул пришедший в себя парень. – Поговаривают, что это проклятие – привет от предков, так сказать, а вот эти, – кивнул на уже развалившихся на полу стрекунов, – называют «ОНО».

– Верно, – кивнул другой парень, имени которого Калин не знал, – бывают аномалии разными и проявляют себя тоже по-всякому, но все как одна опасны.

Калин осмотрелся. Серые бетонные стены давно лишились всяческих следов краски. Местами потрескавшиеся, они тянулись в темноту, туда, куда не достигал свет от хумановых светильников. Небольшие дыры, расположенные геометрически пропорционально, говорили о том, что когда-то там находились крепления, видимо удерживающие стеллажи или койки. Но теперь тут остались голые стены. Калин подумал, что, видимо, люди, или уже хуманы, обнаружив это бомбоубежище, вынесли отсюда абсолютно все, вплоть до последнего «шурпчика». Ведь вещи предков у жителей мертвого города в великой цене. Они, в отличие от чистых, не шарахаются от предметов древности и с радостью используют их в быту.

– И долго нам тут сидеть? – поинтересовался мальчик, продолжая водить глазами по помещению.

– Не думаю. Она быстро проходит, – продолжал все тот же хуман, опустив свой мешок на пол и усевшись прямо на него. – Только после нее лучше пару часиков обождать, иначе на остаточное нарваться можно.

– Как это?

– Ну, вот смотри, идет оно прозрачной стеной, но вперед себя баюкалку пускает. Все живое словно засыпает, ну, ты видел на крыше. Кроме этих вот, – указал на стрекунов, – и таких, как ты и Карман.

– Угу, – кивнул мальчик, внимательно слушая рассказ, пока другие тоже рассаживались кто куда, но стараясь занимать места подальше от стрекунов. – А на нас почему не влияет?

– Не знаю, – пожал рассказчик плечами. – Ну вот, а потом и сама аномалия проползает, и все, через кого она прошла, мертвы. Так-то вроде и ничего не происходит, а просто умер и все. Прямо во сне.

– Ты забыл сказать, – перебил его Джогу, – что мертвец после нее становится как скелет, обтянутый кожей. Как будто не только что умер, а уже очень давно.

– А, ну да, да. Верно. И да, в простом подвале от нее не спрятаться, только вот в таких, с подобными дверьми, – указал он на внушительную гермодверь.

– Это старое бомбоубежище, – кивнул Калин. – Удивительно, как сохранилось, не остекленев.

Хуманы переглянулись, но что ответить на это, не нашлись.

– Да, – встрял в разговор еще один из отряда дежурных, – это нам свезло, что малой мозгоправ, а то лежали бы ща там.

– Глядеть в оба надо было, а не хлебалом клацать, – недовольно пробурчал главный. – Пацан вон буран углядел, а вы чем заняты были, что не заметили? Погодите у меня, вернемся, я вам устрою.

Ребята переглянулись и виновато опустили взгляды.

Калин хотел еще что-то спросить, но головная боль усилилась, и стало совсем невмоготу. Стрекуны тоже поскуливали, прижимая лапами ушные отверстия.

– Ага, ты уши-то прикрой, прикрой, может, полегче чуть будет, – кивнув, посоветовал ему главный. – Видать над нами как раз идет, падла.

Калин присел на корточки, застонал и упал на колени. Из носа закапала кровь, орошая пыльный пол темными пятнами. Стрекунов тоже корчило нещадно, и кровь у них виднелась не только из носа, но и из ушей.

– Держись, пацан, держись, – пытались подбодрить его хуманы, с силой сжимая плечо, но от слов этих легче не становилось.

Хотя... потихоньку боль все же начала отступать, слабеть, и вот вроде уже и терпимо стало. Калин высморкался и попытался вытереть нос. В глазах все плыло.

– Что, все, ушла? – поинтересовался главный, внимательно наблюдая за мальчиком. Протянул ему флягу с водой. – Держи.

Жажда была прям нечеловеческая. Калин пил и пил и тут заметил, какими глазами на него смотрят стрекуны, свесив длинные розовые языки до самого пола, пачкая их в пыли и собственной крови.

– А можно и им тоже водички? – с сочувствием глядя на несчастных мутантов, спросил мальчик.

– Налить не во что, – пожал плечами главный.

– погоди, у меня должна быть миска, – Джогу полез копать в вещмешок.

Глава 4

– Ну и глазища у тебя, малой, – посмеиваясь, Джогу хлопнул по спине идущего рядом с ним Калина. – Ты словно мертвые выглядишь.

– Кто это?

– А, ты же не местный.

Все так же жутко улыбаясь, Джогу шагнул по подземному коридору с множеством подпорок и перегородок, страхующих от обвалов. Рот его располагался на левой щеке, зубы разной величины и формы росли совершенно не в ряд, а скорее, в два. Калин диву давался, как с таким «забором» во рту он умудрялся внятно говорить.

– Это, друг мой, коварное существо, страшнее него лишь девы, но о них спрашивать лучше у тех, кто через пустошь в большой мир ходит. Эти гадины чаще всего встречаются на границе с лесом. Хотя, поговаривают, что и в городе нарывались, но я ни разу не видел дрянью эту, – и перекрестившись, он добавил: – Слава Богу.

Тут улыбка с лица его словно пещерным сквозняком сдуло. Мужчина враз стал серьезен.

– Девы – древние, а мертвые – они стали появляться сравнительно недавно и обернуться одним из них может каждый живой.

– Может, это болезнь?

– От болезней, Калин, либо вылечиваются, либо умирают, а мертвыми если стал, то навечно, пока не убьют, потому как своей смертью они только от голода дохнут.

– А...

– Нет, ты точно в порядке, – все же усмехнулся хуман, заметив, как занервничал мальчишка, ощупывая свое лицо. – У тебя глаза красные, потому что баюкалку воспринимаешь так же, как и стрекуны – не засыпаешь, но слышишь ее иначе и кровью исходишь из носа и глаз. Видал, у них зенки какие стали? Вот и ты сейчас не лучше выглядишь.

Вспомнив несчастный вид стрекунов после прошедшей аномалии и их заплывшие кровью белки глаз, в которых полопались капилляры, мальчик вздохнул.

– Я у Кармана уже дважды видал такое, – продолжил Джогу, вынимая новый светляк, а затухающий убрал в подсумок, привязанный у левого бедра. – Ничего, пройдет скоро.

Он повернул рычажок на новом и встряхнул его. Устройство ярко засветилось зеленоватым цветом, давая обзор вокруг себя метра на три.

– Сейчас домой придем, и он тебя полечит. Карман знает, чего нужно от красных глаз есть да пить. Пошли скорее, устал я. Дела доделать, да поспать бы немного. Посмотри, – указал взглядом вперед, – отстали мы, не видать уже ребят.

Недолго они шли в тишине, любопытный ум мальчишки не давал ему покоя – терзали вопросы. Услышав о новом виде опасных тварей, Калин желал узнать о них все, ну или хотя бы как можно больше.

– Джогу, – окликнул он впереди идущего хумана, – как мертвыми становятся? От чего?

– Марево, – бросил тот, не оборачиваясь на вопрошающего, – сизое такое, красивое, – скорость его хода чуть сбавилась. Джогу явно что-то вспомнил. – Друг у меня был, в детстве еще, братьями мы считали друг друга. Помню, грезил тогда, что станем взрослыми, и наш народ к тому времени уже не будет скрываться под землей. Замиряются чистые с хуманами, и тогда сможем мы с ним дойти до самого океана. Огромные волны, корабли с белыми парусами и храбрые моряки... Мы видели себя стоящими на корме и даже представляли запах и вкус ветра, дующего нам в лица...

Джогу резко остановился. Помолчал немного и вновь пошел, но медленно, а глаза его словно в пустоту глядели. Лицо будто воском залитое, неживое, бледное.

– Отец друга моего хорошим охотником был. Если он шел на поверхность, то все знали – мясо в клане точно будет. Но однажды его группа вернулась, а он – нет. Охотники твердили все как один, что его забрало странное облако. Им никто тогда не поверил, долго расспрашивали, но в итоге так и не поняли, что это за облако такое, и куда делся Вадим, – снова рассказчик замолчал ненадолго, видимо вновь переживая давно забытое. – Проснулся я, когда еще все спали. Уснуть не смог и решил поглядеть, может, и товарищ мой не спит. За отца он сильно переживал, – Джогу судорожно выдохнул. – Не дождавшись времени пробуждения, я отправился навестить его и то, что тогда увидел... никогда мне не забыть.

Поджав губы, мужчина порывистым движением руки смахнул слезу. Звучно сглотнул, пытаюсь продавить ком, возникший в горле.

– Он их ел... плакал и ел... Вадим вернулся в час сна. Как обошел все посты, никто так и не понял. Тихо вошел в свое жилище и убил всех, кто там спал. А потом... начал есть свою семью... Знаешь, Калин, что самое паскудное в этом умертвии? – остановившись, Джогу развернулся и внимательно посмотрел Калину в глаза, словно пытался в них увидеть свое отражение. – Они все помнят, – сказал он после недолгой паузы. – Все и всех, но остановиться не могут. Сожрут любого, но начнут с того, кого при жизни любили больше всех. Вот такая, брат, оказия.

Калин слушал внимательно и живо представил себе этих умертвий с красными глазами. Напомнили они ему зомби киношных, только те не плакали, когда жрали своих родных, мозги у них протухли. А эти, раз плачут, значит чего-то соображают. Выходит, они опаснее, чем тупые зомбаки.

Джогу, шагающий чуть впереди, вновь заговорил:

– Знаешь, если так случится, и я окажусь в мареве, то пусть оно и грешно, но сам наложу на себя руки, сразу же, пока обращаться не начал.

– Ты думаешь, что Боги покарают тебя за самоубийство? – спросил мальчик.

– Нет. Богов я не боюсь, это ваша вера. На самом деле, Бог един, но новый мир почему-то позабыл веру предков и предпочел многобожье. Видимо им так удобнее пока.

Калин лишь щекой дернул, вспомнив найденных «Богов» в старом музейном хранилище, но промолчал.

– Не обижайся, Калин. Я не вправе навязывать тебе свою веру. Ни тебе, ни кому-либо другому. Но уверен, что со временем все вспомнят истинного Бога, и тогда наступит мир, и хуманы смогут жить вместе с чистыми на равных правах.

И на этот раз мальчик предпочел отмолчаться, а лучше сменить тему на более важную для него, нежели религия, к которой он был полностью равнодушен.

– Джогу, расскажи еще про умертвий. Когда они впервые появились?

– Тот случай был первым. Потом наш клан столкнулся с этой проблемой еще не единожды. Шли слухи, что у меченых накрыло целое поселение. Опять не верили, даже смеялись, что разницы почти нету между умертвием и меченым, так как оба жрут себе подобных, только первые готовят, а вторые так едят. Шутили, пока это марево не накрыло и нашу стоянку. Вот тогда мы в полной мере узнали, что оно такое.

Голос Джогу осип. Он закашлялся. Сняв с пояса фляжку с водой, отпил пару глотков.

– Умертвием становится тот... – воткнув пробку на место, повесил емкость обратно и продолжил свой рассказ, – ...кто в марево сизое попадает. После того случая собрались на общий совет все старейшины, главы кланов и целители. Карман уже тогда был одним из лучших врачей и знатоком загробного мира, он просил отловить живьем одного из «вернувшихся». Отловили, аж двоих, меченого и хумана, притащили и в клетки их заперли. С виду обычные, только очень больные. Кожа в волдырях вся, гнойниками покрылась, глаза красные, и вокруг глаз тоже все покраснело. Вонь от них жуткая дрянью неизвестной. Так даже трупы не воняют. Хотя, как трупы, они тоже воняли. То, что им говоришь, понимают, но в ответ лишь

сипят. Голоса у них нету. Одна из этих тварей до сих пор у Кармана в клетки сидит, только теперь он совсем на себя прежнего перестал походить. А второго заморили голодом, и он сдох.

– Ого, – удивился Калин, – столько лет прошло, а он жив до сих пор?

– Жив и вполне себе здоров. Выяснилось, что они гнить начинают и сдыхать, если не едят, а как пожрет мяса свежего, то старая шкура с него лоскутами слезает, а на ее месте новая, чистая остается. Если после этого его продолжить кормить, то тело начинает изменяться, а перестанешь мясо давать, так он скулит, шипит, воеет – выпрашивает добавки. Ну, а если несколько дней еды не дать, то вновь начинает покрываться волдырями, потом язвами и так до костей прогнивает. Так вот Карман одного до смерти и довел, а второму кинул кусок свежатины, когда от него почти один скелет остался. И знаешь, стоило возобновить кормежку, как тут же все выросло вновь. За несколько дней эта тварь прежней стала, да еще и когти отрастила, что твой нож.

Калин представил человекоподобное существо с набором кукри вместо пальцев на руках и скептически усмехнулся.

– Не веришь, – кивнул Джогу, и на лице его промелькнула пакостная ухмылочка. – Кармана попроси, он тебе покажет нашего умертвия.

– Думаешь, я испугаюсь? – с вызовом бросил мальчишка. – Да как бы не так, – заявил с полной уверенностью в голосе. – Эх. Мне б такой реген, как у этих умертвий, – вздохнул с досадой.

– Чего тебе? – не понял странных слов хуман.

– Ничего, – отмахнулся мальчик, не желая вдаваться в подробности и рассказывать, что когда-то и сам обладал даром ускоренной регенерации. – Это я так, мысли вслух. Мне все же интересно, что это за облако такое и почему, а главное, откуда оно берется.

– Не тебе одному это интересно. Все эти годы мы пытаемся понять, что это и как если не бороться, то хоть научиться угадывать, где и когда оно появится. Марево возникает всегда неожиданно. Нет ничего и вдруг смотришь, а от земли рябь серебристая подымается и дымка начинает клубиться, белая такая, а когда силу наберет, то цвет меняет и переливается так красиво, что прям тянет войти туда. Кажется, что облако это такое мягкое, нежное и теплое. Может оно повисеть немного и растаять, а может и двигаться начать. Ползет себе и накрывает все живое, и чем больше жертв поймает, тем больше размером становится. Было раз, мы с крыши наблюдали, как оно за группой меченых гонялось по улицам, а потом взяло и надвое разделилось.

– Поймало?

– Поймало, – кивнул хуман. – Орала они сильно. А после тишина... Облако растаяло и исчезло, а тела остались лежать. Только лежали они недолго. Поднялись и пошли, покачиваясь, в сторону своих же. Поговаривают, что все так мучаются потому, что у них сгорает внутри душа, и как только душа умерла, все, обратился, значит. Но это спорный вопрос, потому что нас всегда уверяли, что у меченых души нету. Бог им ее не дает при рождении. Но они почему-то тоже орут, когда обращаются.

– Может, тут не в душе дело?

– Может, и не в душе, – хуман задумался и надолго замолчал.

– Джогу.

– Ну, что еще?

– Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что жизнь мне спас, там, на крыше.

* * *

Вернувшись с поверхности, мальчик первым делом разыскал своего мрякула при помощи мысленного призыва. Котомыш тут же откликнулся, выслав ряд картинок о том, как Нушик попросил его присмотреть за безногим стариком, и Полкаша великодушно согласился.

Мальчик усмехнулся – его попросили присмотреть за пропойцей, а он согласился. Конечно, попросили, ведь приказать зверю что-либо, наверное, никто бы и не посмел, потому как знают, что ничьего приказа Полкан не слушает. Ничьего, кроме Калина. Теперь же котомыш сидит около спящего Лаки, словно пес сторожевой, и никого к старику не подпускает. Узнав место, где находится Полкан, мальчик поспешил туда.

– Эх, не было печали, да купили поросю, – вздохнув в голос, пробормотал Калин, глядя на «дрова», сладко похрапывающие на полу в позе морской звезды. – И как же мне тебя теперь до палатки дотянуть? Вот же черт, а... – еще раз тяжело вздохнул, окидывая пространство взглядом и думая, как бы это тело переместить без ущерба для здоровья, своего и егойного.

На глаза попалась тележка, на которой хуманы привозили свое топливо. Смекнув, каким образом транспортировать Лаки, паренек с довольным видом направился к тележке. Полкаша проводил его любопытным взглядом и зачем-то понюхал деда. Чихнул.

При погрузке Лаки пришел в себя, но оказался настолько пьян, что даже не понял, где он, и пробормотав нечто невнятное, вновь утонул в беспокойной хмельной дреме. Транспорт застучал парой деревянных колес по бетону, пересчитывая все ямки и трещинки, полученные от столь длительной эксплуатации. Калин старался катить старика осторожно, но то и дело попадал в выбоины. Тело при этом раскачивалось, подскакивало и норовило вывалиться из тележки.

Находясь в хмельном бреду, старый моряк то и дело выкрикивал малопонятные Калину слова и фразы, связанные с морским прошлым старика.

– Трави киль, юнга! – вскрикивал он, неуклюже размахивая руками, и те бились костяшками об пол, либо с глухим звуком стучались о колеса, получая при этом ссадины. – На абордаж, сукины дети! Акулы ныне будут сыты!

Одна рука так и осталась волочиться по полу, царапая в кровь кожу. Оглянувшись, Калин остановился, в очередной раз уложил беспокойные конечности старика обратно ему на грудь и даже подумал связать их вместе, что бы Лаки ненароком не травмировал себя, но глянув, что до нужного жилища осталось всего ничего, решил докатить так. Видимо отреагировав на прикосновения, Лаки открыл замутненные глаза и уставился на мальчишку взглядом, полным ненависти и злобы. В тот же миг он ухватил Калина за грудки и, чуть притянув к себе, пробормотал заплетающимся языком прямо в лицо немного растерявшемуся пареньку:

– Я вернусь и вырву твое сердце, матрос. Запомни это.

Взгляд расфокусировался, глаза закатились, и Лаки вновь впал в беспокойный полусон.

– Вернешься, вернешься, – раздраженно бубнил мальчик, отцепляя скрюченные пальцы Лаки от своей рубахи и поправляя бесчувственное тело. – Поехали, «подкидыш».

* * *

После того, как прошла аномалия, половина хуман вернулась на прежний пост, а другая половина направилась домой, но Калин попросился остаться с Джогу в смене на суточное дежурство и, учитывая ослабленное состояние мальчишка, Джогу с радостью его оставил с собой. Отпускать не совсем здорового мальчишку через опасные улицы хуман побаивался, ведь случись какая неприятность, отвечать за пацана перед Карманом придется именно ему, а

значит, пусть тут он и будет до конца смены – так подумал хуман, но сделал вид, что просто уступил просьбе.

Все были уверены, что мальчишка проваляется до утра, восстанавливая силы после обильной кровопотери, но он даже не прилег. Стоило подняться на крышу, как Калин попросил рассказывать ему все, что они делают и для чего. Какие в городе водятся существа, на что они способны и как называются, а еще он припер с собой всех пятерых стрекунов и долгое время сидел рядом с закрытыми глазами – видимо тоже мучил их расспросами до тех пор, пока твари сами не убежали. Хуманы тогда удивились, глядя на удирающих животных и опечалившегося мальчика, но к утру все позавидовали стрекунам и, сдав смену, с сияющими лицами припустили в сторону родного дома. Стоило лишь миновать в подземелье первый пост, как все кроме Джогу прибавили шагу и вскоре ушли далеко вперед, оставив не в меру любопытного мальчика с тем, кто его и привел. Распрощавшись с парнишкой, Джогу с докладом отправился к Карману.

– Да, Карман, все так и было, – пересказал он главному клана все, что было в течение его дежурства. – Карман, – Джогу замялся, желая и опасаясь задать вопрос, но все же решился, – это он?

Карман глядел в одну точку перед собой, задумчиво массируя свой синий подбородок.

– Думаю, да... – ответил он все с тем же видом. – Отбери самых надежных. Я думаю, мальчик даст нам ответы.

– Ты... ты хочешь отвести его к вратам предков? – с содроганием спросил Джогу. – Но...

– Самые надежных, Джогу, лучших из лучших, – кивнул старик, прикрыв глаза. Вдохнул. – Жаль, Гоблы нет.

– Может, лучше действительно дождаться его?

– Что-то мне подсказывает, что нету у нас времени ждать. Завтра выходим.

– А мальчик знает уже?

– Нет пока. Я скажу сегодня.

* * *

Не успел Калин переложить вусмерть пьяное тело на лежак, как в жилище вошел Нушик.

– О, здорово, малый. Гляжу, сам уже справился.

– Справился. Хоть и без ног, но тяжеленный, гад. Как ты тягаешь его постоянно и не устаешь?

Нушик ухмыльнулся, дернув правым уголком губ.

– Тренировки, Калин, долгие годы усердных тренировок, – соврал он мальчишке. – Работай над своим телом, и ты таким же будешь. Возможно, – подмигнул он Калину и, взяв покрывало, заботливо укрыл им старика. – А чего у него вещи черные, и сам весь чумазый? – поинтересовался он, заметив, что Лаки и впрямь похож на мастера печных дел.

Калин в это время уже стоял над тазом с водой и усердно тер руки, отмывая с них ту же чернь.

– Да сапоги он чистил, на танцы собирался, – буркнул в ответ мальчишка и, скосив глаз, посмотрел на реакцию друга.

Нушик стоял с туповатым выражением лица, потом одна бровь его поползла наверх, собирая лоб в кривую гармошку, глаза выпучились, и, поперхнувшись воздухом, он закашлялся. Перейдя с кашля на истеричный хохот, согнувшись пополам, он мотал головой, хватая ртом воздух, и притопывал ногой. Наконец-то вдоволь отсмеявшись, Нушик обессилено опустился на низенький табурет и, утерев ладонью слезу, выдохнул:

– Сапоги... едрена мать. Ну да, сапоги, а почему бы и нет, – вновь хохотнул. – Ох е, давно я так не смеялся, – вздохнул, улыбаясь во все лицо. – Ну, а на самом деле что было-то? И

чего с глазами твоими случилось, от чего кровью набрались? – наконец поглядел он на Калина, который тоже улыбался.

– Да ничего, ерунда, эт мы на аномалию вчера нарвались, – отмахнулся Калин. – А Лаки – это я его малость на тележке покатал, в которой хуманы топливо свое возят, вот и перемазались оба.

– У-у, – собрав брови домиком, Нушик наигранно расстроился. – Лучше бы ты его там оставил, где и нашел, или выкинул бы куда подальше. Что лыбишься, огонь разжигай, красноглазый, ужинать пора.

Услышав слова о еде, мрякул тут же активизировался и принялся нарезать круги, обтираясь о ноги Калина.

– Ща покормлю, не помри мне тут смотри, – улыбался Калин, присев к костровищу, но вместо розжига огня принялся чесать своего зверя.

– Калин, – заметив это, Нушик окликом напомнил мальчику о деле.

Тут же послышался звук кресала, и вскоре под котлом заплясали маленькие язычки пламени, набирая силу с каждым подброшенным кусочком «еды».

– Нушик, может, ты мне скажешь, куда наши ушли, а? – вновь задал Калин беспокоящий его вопрос, на который никто не хотел отвечать.

– Не, не скажу. Не велено, – буркнул тот, тут же насупившись и став очень серьезным. – Секрет это покаместь. Как вернуться, так все и узнаешь.

– И когда же они вернуться? – не унимался мальчик, между тем помешивая черпаком разогревающийся ужин. – Мне в Николот надо, а я тут торчу, – уперев подбородок в грудь, он прерывисто выдохнул. – Третий месяц, пошел как я в дороге, а еще до того сколько времени утекло.

Калин ненадолго замолчал, погрузившись в мысли. Нушик тоже молчал, занимаясь своими делами. Мальчику со спины видно не было, что делает мужчина, но судя по всплескам воды и фырканию, тот явно умывался.

– Пойми, не блажь это, мне каждая минута дорога, – Калин вновь вздохнул. – Если бы не Лаки со своим договором хитровые... – запнулся и тут же поправился: – Хитро составленным, то я бы уже давно там был, и возможно, что решил бы уже проблему. Но я сижу тут и когда продолжу путь, неизвестно. Меня это бесит, понимаешь? Я хочу знать, когда вернуться ребята, и когда мы вновь двинем в столицу. Неужели я так много прошу?

Нушик присел напротив, обтирая куском ткани лицо и шею.

– На разведку они пошли, – произнес он это очень тихо, так, чтобы услышал лишь мальчик. – Куда, сказать не могу. Когда вернуться – не знаю. Что у тебя случилось, Калин, может, все же расскажешь? – Нушик с сочувствием и пониманием во взгляде смотрел на понурого парня.

И Калин рассказал...

– М-да, брат, дела однако...

Они сидели у затухающего костра. Давно поужинав, сейчас держали в руках по кружке с чаем.

– Знаешь, малый, ты лучше забудь о том обещании, не вернуть их уже. Если живы, то значит, в прислужницах где-то трудятся. Да ты не переживай так, ишь нос повесил, – попытался он подбодрить печального мальчишку. – Ничего в столице жизнь, нормальная, главное привыкнуть, влиться, так сказать. Император наш славится своей любовью к близняшкам. Ходят слухи, что для него специально их выискивают, даже младенцев, выращивают, обучают, и потом они прислуживают нашему Светлейшеству до какого-то определенного времени. Видите ли, он любит все прекрасное и парное. Эстет хренов. Но ты знаешь, насколько я слышал, он их не обижает, балует и даже удачно пристраивает потом. Говорят, что родились в паре, считай обеспечили богатое будущее себе и родне. Многие родители сами приводят близнецов во дворец, зная, что те будут жить в достатке, и пол при этом не важен, хотя за девочек платят

больше. Так что ты достать своих сестер никак не сможешь. Тебя даже к стенам дворцовым не подпустят. А насчет друга, ну, тут расклад гораздо хуже, если жив, конечно. Про школу ты слышал – страшное место. Это самые отмороженные имперские войска. Спецовики – так их еще называют. Берут туда подростков двенадцати-четырнадцати лет, и к восемнадцати из них уже натуральные звери получают, но по каким критериям отбор молодняка проводят – не знаю, известно лишь то, что есть два корпуса: один для детей знати и потомственных военных, а другой – для рабов. Так вот, если в корпус знати набирают раз в год, и выпуск их почти всегда равен набору, то рабов – во много крат чаще, и выпуск никогда не показывают. А вот звать выпускают пышно, целое представление на арене устраивают для Императора и высшего сословия – сыночки показывают красивые бои. Понимаешь, почему так?

Калин молча кивнул, не отрывая глаз от тлеющего брикета.

– Потом выпускники эти при Императоре служат, в личной гвардии, а вот куда деваются ученики второго корпуса, никому не известно. Они словно в воздухе растворяются, но то, что второй корпус существует, это точно знаю.

– А девочек, ты говоришь, пристраивают. Как это? Куда? – поднял Калин покрасневшие глаза на товарища.

– Замуж выдают, как еще. И чем ближе девочки были к Императору, тем удачливей и богаче ей мужа подбирают. Высокородные граждане почитают за честь получить от Светлейшего личную вещь, а наложницу так и подавно. Родословная этих девушек уже не важна, будь она в прошлом крестьянской дочкой, или кровей знатных, после Императора они все едино высоки.

Щеки Калина покраснели, ноздри расширились от участвовавшего дыхания, краска с лица спала, и вот уже на Нушику смотрит не мальчик, а хищный зверь, алчущий крови. Руки его сжали кружку до хруста, а по подбородку побежала тоненькая красная струйка от прокушенных губ.

– Как это «ближе»? – прохрипел он севшим, совершенно чужим голосом. – Это ты о чем сейчас?

– Калин, ну ты же сам должен понимать, что императору не отказывают в пожеланиях даже дочери и жены благородных мира сего, а служанки или наложницы...

– Нет... Нет! – замотал он головой. – Не говори так! Ты все врешь! Это не правда!

Калин вновь побагровел, засопел еще больше и резко поднялся, сверля Нушику яростным взглядом, швырнул несчастную посудину в сторону. Пнув изо всех сил стопку брикетов, перешагнул через них, спотыкаясь, и быстрым шагом, а потом и вовсе перейдя на бег, кинулся прочь, не разбирая пути. Ком, подкативший к горлу, душил, не давал сглотнуть, хотелось выть, орать и кого-нибудь убить. Да, убить, прямо голыми руками, разрывая грудь, и он знал точно, чья это грудь, да. Подступившие было слезы тут же высохли, словно их и не было, Калин четко представил себе, как он вынимает сердце Императора и скармливает его десятнику Краму, этому утырку, выплевышу Имперскому, который разрушил его семью. А потом он распорет ему брюхо и заставит жрать собственные кишки и дерьмо. Эти мысли так захлестнули мальчика, что он не заметил, как оказался в кромешной темноте.

– Черт, – буркнул тихонько Калин, и эхо гулко унеслось вдаль.

Глава 5

Как определять дальность стен-препятствий по звуку, мальчик знал чисто теоретически, из телепередачи про летучих мышей. Сев на корточки, он принялся шарить руками по полу в поисках двух камешков. Камней не нашел, только руки перепачкал, и пока крутился вправо-влево, в итоге запутался вообще, с какой стороны пришел. Сколько ни напрягал глаза, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь, все зря. Жуть, кошмарная, до самых внутренностей пробрала все тело, обдав спину льдом. Накал ярости сошел на нет. Стало страшно.

«Не паниковать, – мысленно пытался он успокоить сам себя, – все будет хорошо, я найду дорогу. Найду обязательно и сделаю то, о чем только что думал, обязательно сделаю, живы они или нет, но я доберусь до вас, с-суки!»

Глубоко вдохнув и выдохнув пару раз, выставив вперед руки, осторожно прощупывая носком ботинка почву впереди себя, Калин двинулся с места в неизвестном направлении. Пахло сыростью и нечистотами, дул еле уловимый сквозняк.

Поймав направление воздуха, Калин все таким же «слепым» способом пошел уже уверенней.

«Раз есть движение воздушных масс, значит и выход где-то там», – думал он, уже спокойный и уверенный в себе. Найдя в потемках стену, мальчик старался больше не отходить от нее и шел, касаясь ее рукой. Сколько бродил он во мраке – неизвестно. Время потеряло счет, он сам потерялся в пространстве. Только жуткая жажда и чувство голода говорили о том, что он гуляет по подземелью уже изрядно, и пора бы выбираться к свету, но того, как назло, все не было видно. Ноги гудели и болели. Калин сильно устал, но не останавливался. Он двигался, как казалось ему, вперед уже на одном упрямстве, боясь, что если остановится, то уснет, а во сне его съедят. Он все шел и шел, и с напряжением вслушивался в черноту.

Одному в крошечной мгле довольно жутко, но еще страшнее, если поймешь, что ты тут не один. Несколько раз он слышал шорохи и другие пугающие звуки, тогда сердце начинало биться в желудке, а горло совсем пересыхало, и казалось, что он слишком громко дышит. В один из таких моментов нож, который он сжимал в другой руке, неожиданно засветился, предупреждая об опасности. Руны начали мерцать, набирая силу с приближением неведомого существа. Калин приготовился к бою. Белая, совершенно слепая, обезображенная зубастая морда выпрыгнула из тьмы, резко клацнув пастью у самого лица Калина. Кукри мягко вспорол брюшину, выпуская наружу ленты кишок и густо обдав вещи мальчика темной кровью, сильно пахнущей ржавым железом.

Мутант еще шевелился, когда послышались новые стремительно приближающиеся звуки. Хлебнув свежей крови, ножик оживился еще больше и буквально завибрировал в руке, предвкушая добавку. Рука сама махнула назад, резко разворачивая своего носителя, и сталь вновь испила крови – новый, такой же слепой человекоподобный мутант, напавший со спины, обмяк, получив точный удар в сердце. Кукри буквально на глазах втянул в себя жизнь, за считанные секунды высушив жертву до состояния мумии. И снова поворот и взмах. Твари старались нападать сзади, не попадая под свет ножа. В районе бедра вспыхнула острая боль, и тут же нож по самую рукоять с хрустом вошел в ухо твари, которая вцепилась в ногу. Калин дышал громко, часто. Уроки Борга конечно же помогли, но нервы били сильно, нарушая выучку и захлестывая здравый смысл. Калин стоял в боевой стойке, готовый к новым нападениям, и вслушивался в темноту. Он слышал, что вокруг него что-то происходит. Кто-то передвигается, дышит, чавкает, и их много. По стенам скользнули тусклые отблески света. Калин расслышал топот нескольких пар ног, бегущих в его сторону. С приближением звука нарастал свет. Теперь стало видно, что он взят в полукольцо десятком мерзких тварей, явно принадлежавших когда-то давно к роду человеческому. Но деградация и отсутствие света их изменили почти до

неузнаваемости, опустив до уровня животных. Шесть таких же тел валялись вокруг мальчика. Видимо остатки разума они все же сохранили, потому что, напорвшись на достаточно сильного противника, предпочли остановить нападение и взять добычу в осаду.

Изначально, заметив свет, Калин очень обрадовался, но обратив внимание, что твари с приближением более разумных и сильных существ не ретировались, а только оживились, явно ожидая подмоги, мальчик испугался еще больше, поняв, что спасения от них не ждуть – это враги. И не ошибся.

– Меченые, – прошептал он, леденя от ужаса, и плотнее встал спиной к стене, прикрывая хотя бы тыл.

Тут же вспомнились все рассказы хуманов про этот клан каннибалов. Когда стало достаточно светло, Калин разглядел, куда он попал: небольшая сквозная эллипсоидная пещера, потолка во мраке не видно, стены скальной породы, ярусные, плавно переходящие пластами, как чешуя у дракона. С противоположного входа, как раз куда и направлялся Калин, выбежали шесть размалеванных существ с факелами, шипастыми дубинами, копьями и ножами, похожими на мачете. Набедренные повязки из шкур и кожи, наплечники, как у игроков регби, только сделаны из черепов, бусы из других частей тела и костей. Лица и тела разукрашены татуировками, узорами из шрамов и краской, белой да красной. Увидев мальчишку, меченые радостно оскалились, обнажив заостренные зубы.

Один из них коротко рывкнул, и рядом стоящий меченый тут же кинулся к Калину, плотоядно оценивая добычу. Мальчик долго не церемонился, тут же упокоив напавшего коротким и точным движением. Следом бросились сразу трое. Натренированное, а точнее, выдрессированное тело Калина работало само, на автомате – отбив один удар, он тут же нанес два своих и, уйдя от палицы, свистнувшей над головой, уложил и третьего врага. Встал в стойку, как бы приглашая еще желающих расстаться с жизнью. Первоначальный ужас отступил. Теперь на меченых и белесых мутантов, видимо, выполняющих роль собак, Калин смотрел не перепуганный до смерти, а скорее раздраженный и злой. Появление света прибавило уверенности в собственных силах, а заметив, что эти меченые, хоть и быстрые, но совершенно необученные боевым хитростям аборигены, Калин и вовсе воспрянул духом. Неровня они ему в бою, пусть и сильнее физически. Мальчик цыкнул слюну сквозь зубы и поманил рукой к себе. Оставшиеся двое мутантов нападать не спешили. Напротив, они медленно переходили с места на место и двигались так, чтобы мальчику было неудобно следить сразу за двумя.

Одновременно вынув болас¹, меченые принялись их раскручивать, не спуская внимательных глаз со своей цели. Один щелкнул языком, и все оставшиеся в живых слепые «псы» одновременно кинулись на мальчика, в этот же миг в него полетели и снаряды на веревке, со свистом рассекая воздух. Калин почти ушел от них, но споткнулся о труп, и в этот момент его просто задавили массой. Остатки стаи сбили с ног мальчишку раньше, чем запущенные боласы достигли своей цели, и они бы растерзали злостного обидчика, но случилось страшное и необъяснимое для жителей подземелья: тело жертвы полыхнуло слепяще-ярким светом, и твари с воем шарахнулись в рассыпную. Запахло жареным мясом.

Измалеванные воины стояли в изумлении, не решаясь приблизиться к телу, казалось, обычного подростка.

– Что это, Хузар? – полушепотом спросил у товарища меченый с обезображенной рваным шрамом щекой.

Но второй отвечать не собирался, потому как и сам хотел бы знать, что произошло, и кто этот ребенок, который изничтожил весь дозорный отряд и почти всю стаю гончих.

---

¹ Приспособление для поимки и временного обездвиживания. Два одинаковых по весу камня, привязанные к разным концам одной веревки. Длина веревки до 1,5–2 метров. Один камень на всю длину веревки раскручивают над головой и бросают по направлению к цели. Веревка, крутясь на лету, запутывает то, во что попадает

– Нож, – указал он на руку бесчувственного мальчика, крепко сжимающую на удивление чистую рукоять кукри. – Он чист.

– И что?

– Вот потому, Тром, я выше тебя рангом, хоть и рождены мы в один год. Дай мне его нож! – теперь уже не по-дружески, а властно произнес Хузар.

Меченый поспешил выполнить приказ, но стоило ему приблизиться к лежащему мальчишке и протянуть в его сторону руку, как странная изогнутая дуга света вырвалась из ножа и вонзилась в конечность подошедшего. Взвизгнув на высокой ноте, он тут же отскочил в сторону, пряча ладонь под мышкой, получив ожог. В пещере ощутимо пахло паленым, еще и от гончих, которые отошли на почтительное расстояние от опасного места и зализывали раны.

Смекнув, откуда свечение, которое разогнало гончих и не дало им задрать мальчишку до смерти, старший сделал шаг вперед.

– Отойди, – приказал он своему воину и, достав лассо, накинул петлю на ногу юного бойца. Затянул. – Тащи, – сунул он в руки подчиненного конец веревки и отошел, с интересом наблюдая, что за этим последует.

Тром с опаской покосился на лежащее тело ребенка, который прижимал к груди злощастное оружие, перевел взгляд на свои почерневшие пальцы, а потом на жоака и, встретившись с ним глазами, тут же потянул веревку на себя.

Вокруг ножа мальчишки и руки, его сжимающей, появилось голубоватое сияние, тонкими молниями-щупальцами ищущее по сторонам объект опасности. Никого не найдя, эти щупальца спрятались обратно, в лезвие, но стоило потянуть еще, как они снова выскакивали и искали, кого бы ужалить. Длина опасных «нитей» была невелика, но достаточна, чтобы покрыть площадь всего тела, не давая никому до него дотронуться.

– Идем, – Хузар указал своему бойцу в проход, из которого они вышли.

– А с этими что? – махнул тот головой в сторону трупов своих сородичей.

– Позже заберем, – бросил старший и, повернувшись к оставшимся в живых гончим, рывкнул: – Сторожить!

* * *

Калин очнулся от боли в области затылка. Его тянули по ступенькам, и он ощутимо бился о них головой. Насчитав таким образом четыре штуки, пришел в себя окончательно.

Ноги, ноги, много ног, больших и маленьких, грязных и часто со ссадинами, а еще стены, ободранные, но все же рукотворные, бетонные. Любопытные зеваки пытались приблизиться, рассмотреть внимательней, особенно дети, но грубый окрик и ругань прямо над головой Калина останавливали их.

– Да брось ты, – слышалось откуда-то спереди, видимо, от того, кто его тянул, – пусть разок припалит, и сами отстанут.

– Хузар приказал не подпускать никого. Тащи молча.

Еще когда Клин находился без сознания, меченые, пленившие его, дошли до одного из своих постов, и, прихватив оттуда еще двоих воинов, компания направилась к древнему бункеру, в котором проживал этот клан.

Жили они там давно, еще с самого начала конца света и зарождения нового мира. Бункер тот сконструировали далекие предки именно на случай «великого песка» и оборудовали они его так, что несколько сот высокопоставленных чиновников с семьями, богатейших граждан, сумевших купить себе и близким места в «Ковчеге», ну, и некоторое количество военных, обеспечивающих охрану, а также обслуживающий персонал могли пережить там трагедию в течение нескольких десятилетий. Но «писец» случился неожиданно настолько масштабным, что десятки лет растянулись на сотни. А привыкшие к хорошей сытной жизни жители «Ков-

чега», когда столкнулись с нехваткой питания, начали есть человечину. Изначально все происходило «культурно», за сервированным золотом столом, под классическую музыку слуги подавали мясные блюда, приготовленные по новым рецептам. Гурманы смаковали выловленные в тарелке кусочки и играли в новую игру – «угадай, кто это». По вкусу они пытались определить пол и возраст своей еды, спорили, делали ставки, а по окончании трапезы в зал выходил сам шеф повар и выносил накрытое блюдо. Звучали последние ставки спорщиков, и наконец открывалась крышка. На блюде лежала голова жертвы. Так, незаметно для них самих, началась полная деградация как личностная, так и моральная. Когда сожрали весь низший персонал, и бывшие военные смекнули, что пришла очередь их и их детей, а детей ХОЗЯЕВА предпочитали есть в первую очередь, то учинили бунт, вырезав часть господ, а часть пленили, оставив «мясо» на запас. Теперь власть была у сильнейших. У них она и осталась. Каннибалов в городе водилось еще несколько кланов, но эти считали себя элитой – прямыми потомками древних воинов, носителями «сильной» крови.

– Мы истинные хозяева города! – так орал их вожак. – А все остальные рождены нам для прокорма! Стадо! Наше стадо!

И воины вторили ему, входя в раж, вопили во всю глотку, заявляя миру о своем главенстве.

Раз в год они ходили на Великий сбор – нападали на хуман, стараясь захватить как можно больше пленников, отдавая предпочтение детям и женщинам. Если отловленной «еды» оказывалось слишком мало, то Великий сбор мог повториться, не дожидаясь окончания года.

* * *

– Тром! Этот очнулся!

В глазах еще все плыло, и картинка была мутная, но изукрашенную кривую рожу с очень внимательным взглядом мальчик хорошо разглядел. И еще несколько пар ног на почтительном от себя расстоянии, а также клеть с распахнутой дверцей, куда его быстро и затянули. Немного придя в себя, Калин к своему удивлению обнаружил зажатый в руке кукри.

«Странно», – подумал он, «плавающим» взглядом осматривая толпу и помещение.

Большая прямоугольная комната, скорее целая зала. Клеть, в которой сидел Калин, располагалась в углу, каменный стол посередине, странные приспособления вдоль правой стены, похоже пыточные, ворох тряпья в другом углу, напротив, рядом очаг и куча народу у левой стены. Многие толпились и в дверном проходе. Все стены изрисованы массой различных сцен боя, убийств, черепов, звезд и других всевозможных знаков, в одном из которых отчетливо узнавался двуглавый орел. Главным украшением залы на возвышенности со ступенями стоял здоровенный жуткий трон, украшенный атрибутами людоедства и власти.

– Кто ты? – вполне понятным Калину языком спросил тип со шрамом на пол-лица.

Горло у мальчика першило, во рту пересохло, и чувствовался привкус крови. Очень хотелось пить.

– Эй! – другой меченый ударил палкой по решетке. – Ты понимаешь? Отвечай!

Калин продолжал молчать, делая вид, что не слышит.

– Может, не понимает? – посмотрел боец на старшего.

– Понимает он все, – буркнул Тром, недружелюбно сверля мальчишку взглядом, и, отобрав у говорившего пятилоктевое копьё, слегка тыкнул Калина в бедро. Неглубоко, но довольно ощутимо.

Нож при этом «выкинул» синеватую дугу, впившись в древко, но только лишь оставил в нем опаленную выемку и дымок. Мальчишка вскрикнул от боли и отборно заматерился. Хохот и аплодисменты тут же покатались по округе.

– Хорошо поешь, малец! – обрадовался тот, у которого взяли копьё. – Тыкни, тыкни его еще, Тром! Какие ругательства он хорошие знает. А ну, сажи еще, сажи!

Калин, весь красный не столько от боли, сколько от гнева, зажимал ладошкой бедро, но кровь все равно сочилась довольно сильно. Этот агитатор на новые пытки его просто неимоверно бесил.

– Завали хлебало, урод крашенный! – прорычал пленник, истинно желая свернуть шею обезьяноподобному аборигену. – Я сейчас тебя так ткну, что ты охереешь! Козел! – и одарил агитатора таким взглядом, что тот осекся и действительно заткнулся.

Калин почувствовал, что голод ножа после выброса разряда усилился в разы. Все тут же встало на свои места. Вопрос, почему нож при нем, отпал сам собою. Стало понятно, почему он ощущает от своего кукри такой яростный голод – истощился на защите. Недолго думая, мальчик подставил лезвие под стекающие капли собственной крови и тут же почувствовал благодарность от клинка и его насыщение. Но долго удивляться новому открытию и способностям оружия ему не дали. Раздался стук палкой по прутьям клетки, вновь посыпались вопросы.

Калин сидел на загаженном не пойми чем полу, поджав ноги, и упорно молчал. Не получив желаемых ответов, Тром хищно оскалился и сунул наконечник копья в огонь.

– Ща, – кивал он, глядя на сжавшегося подростка, – ща я тебе язык развяжу, ублюдок мелкий.

С видом счастливого маньяка Тром подошел к узнику.

– Ну, что, мясо, поиграем?

Калин стиснул зубы, понимая, что сейчас будет, но глаз от изувеченного лица не отвел.

Тром довольно осщерился и сунул копьё в клеть. Дикий вопль боли и отборного мата вырвался из уст мальчишки, когда терпеть сил уже не осталось. Он буквально взвыл, желая впиться зубами в горло этого гада, но решетки не давали такой возможности. Сжимая кулаки до побелевших костяшек, Калин, буравя яростным взглядом Трома, зарычал натурально как дикий зверь, оскалил зубы.

– Выпусти меня! Выпусти, и сразимся на равных, – прохрипел мальчик, глядя прямо в глаза Трома, – или ты боишься меня?

Кривая ухмылка мелькнула на лице садиста, но вместо ответа он вновь сунул наконечник в огонь. Дальнейшие события происходили как в бреду. Спасибо Боргу, научил отключать сознание как раз на случай подобных «мероприятий». Прижигали, кололи, резали, допрашивали, но все сквозь прутья клетки, не осмеливаясь подходить слишком близко. Нож уже давно перестал отвечать на угрозу, он просто намертво приклеился к ладони, впитывая в себя попавшую на лезвие кровь Калина, и копил энергию по крохам.

– Ты зря героя из себя корчишь, мальчик, – с презрением выплевывал слова Тром. – Я допрашивать тебя еще не начинал. Это я так, развлекаюсь пока. Ответь на мои вопросы сейчас, и обещаю, я убью тебя лично, быстро и без боли. Умереть от моей руки – это честь, а без боли – великий дар милости, – оскалив заостренные, как у пираньи, зубы, Тром утробно заржал. – Я одарю тебя своей милостью, даю слово.

– Добрый ты, – сплюнув вязкую кровавую слюну, с сарказмом подметил мальчик. – Иди в...

Новая вспышка боли заставила дернуться, и стон сорвался с губ истерзанного мальчишки. Зеваки, собравшиеся вокруг клетки, тихо передавая из уст в уста короткую фразу, спешно начали ретироваться. В образовавшемся пространстве Калин увидел мерно вышагивающего четырехрукого громилу с посохом, увенчанным вместо набалдашника человеческой засушенной головой. На груди его болталась цепь с двуглавым орлом на ней, а на плечах железные нащепки со звездами, отдаленно схожие с погонами.

Рассмотрев внимательней вождя, а в том, что это был именно вождь, сомнений у мальчишка почему-то не возникло, Калин понял, что этот меченый не такой уж и огромный, как

показался изначально. Просто его шипастый ворот, значительно возвышающийся над головой, и массивные одеяния давали столь обманчивый вид. Крупной была голова с почти квадратной челюстью и большой мясистый нос. Глаза на его фоне терялись и казались пороссячьими, маленькими, глубоко посаженными под нависающими надбровными дугами и широченным лбом. Рядом с вождем важно вышагивал второй пленитель Калина.

Коротко взглянув на происходящее, Хузар стремительно приблизился к уже почувшему взбучку Трому и коротким ударом в лицо отправил того в горизонтальное положение. Оценив осмотрем согнутого, сидящего на коленях мальчика, перевел взгляд на своего подчиненного, который, пошатываясь, поднимался на ноги, утирая юшку с лица, сухо спросил:

– Узнал?

– Ничего, – Тром склонил голову перед вождем. – Мальчишка молчит. Но я не сильно...

– Я не помню, чтобы давал тебе приказ допрашивать.

– Нет, не давал, – понуро отвечал Тром, не поднимая головы.

– Хороший у тебя воин, Хузар, да только своевольный, – вождь неспешно прошел от клетки к своему трону и, откинув полы накидки, уселся. – И ты утверждаешь, что этот ребенок вырезал дозорный отряд?

Хузар склонил голову перед вождем и, резко вытянувшись в струнку, притопнул ногой.

– Да, мой повелитель, – ответил он четко, громко, – и больше половины стаи гончих.

– Нож, мальчик, – выставив вперед раскрытую ладонь, вождь ожидающе посмотрел на

Калина.

Тот, держась одной рукой за перекладину в клетке, поднялся на ноги.

– Не могу, – ответил он вождю и, чуть подумав, добавил: – Повелитель.

Вождь чуть улыбнулся и вполне дружелюбно произнес:

– Тогда я убью тебя и заберу то, что желаю.

– Убей, – хмыкнул Калин, – но нож ты все равно не получишь. Никто не сможет взять его, даже с трупа, – и, глянув на котел, усмехнулся, – и сожрать меня у вас тоже не выйдет.

Калин, конечно же, лукавил, потому что не знал, на что способен его кукури, он чувствовал, что у клинка энергии осталось на несколько малых или на один серьезный выброс. Даже после небольшой подпитки кровью владельца сил у кукури на длительную защиту уже точно не осталось. Но кто об этом знал кроме Калина? Никто. И мальчик решил разыграть свой единственный козырь.

Вождь, не изменившись в лице и даже не поворачивая головы, произнес:

– Тром, дай мне его оружие.

Услышав приказ, Тром бросил жалостливый, полный надежды взгляд на Хузара, ожидая от того защиты, но командир, лишь одарив суровым взглядом, оскалил зубы, выказывая свое презрительное отношение к нему.

Калин, глядя на своего недавнего обидчика, плотоядно растянул искусанные губы в улыбке. Тром стоял как вкопанный, бледный, не решаясь шагнуть к клетке.

– Шевелись! – гаркнул Хузар, заметив, как его воин боится, и это разозлило его больше, чем своевольство Трома. Захотелось схватить труса за горло и вонзить лезвие своего ножа ему в печень.

Калин, ухмыляясь, переложил кукури из руки в руку, как бы приглашая Трома к действию. Бледный, словно полотно, воин еще раз коротко глянул на вождя и... шагнул вперед, протянув руку.

Синей змеей вырвалась из кукури вся боль и ненависть Калина и сухим треском вонзилась в грудную клетку Трома. Раздался короткий предсмертный вскрик, и тело Трома отлетело в сторону на несколько метров. Упало глухо, как мешок. Застыв, задымилось.

– Хороший был воин, – глядя на дымящийся труп, без какого-либо сожаления и даже без малейших эмоций произнес вождь. – Мальчик, скажи, как ты стал хозяином этого оружия?

– Мне подарил его отец.

Вождь поскреб нестриженным грязным ногтем свою гладкую щеку без намека на щетину.

– Тогда... подари мне его.

– Не могу, повелитель. Нож привязан к нашему роду сильным колдовством и переходит в дар только по кровному родству, – соврал Калин, – от отца к сыну.

– А если от сына к отцу?

– Не знаю.

– Хорошо, – кивнул вождь и пальцем поманил к себе Хузара.

Приблизившись, тот склонился и, выслушав то, что ему тихо шепнули на ухо вождь, поспешил к выходу. Вскоре он вернулся в сопровождении нескольких девиц разного возраста, примерно от девяти до семнадцати лет. Девочки столпились у трона.

– Продолжай ты, – небрежно махнул вождь Хузару.

Кивнув в ответ, тот подошел к трупам.

– Разойдитесь! – рявкнул он на зевак, кто еще оставался в зале, и, подойдя к Тромму, присел перед ним на корточки, приложил к его шее пальцы, прощупал пульс. Хмыкнул, размышляя о чем-то. Обратился к Калину. Голос его был ровен и спокоен. – Как тебя звать, воин?

– Калин.

– Кто ты?

– Воды дай, потом отвечу.

Хузар кивком указал одному из оставшихся воинов выполнить просьбу мальчика. Тот, на кого пал выбор командира, заметно побледнел, но воды принес. Не доходя нескольких метров до пленника, поставил емкость на пол, взял палку и тихонько придвинул к прутьям.

Взяв в руки холодный мокрый кувшин, Калин с наслаждением приложился к его краю, утоляя жажду. Вода оказалась холодной настолько, что у мальчика свело не только зубы, но и пищевод скрутило, зато прояснилось в мозгу и стало немного легче, если не считать боли от многочисленных порезов и ожогов. От кровопотери сильно кружилась голова, шумело в ушах, и немел язык. Калин сидел на полу, слегка покачиваясь, а в голове ни единой мысли – пустота. Только блаженный холодок разливался по жилам.

– Рассказывай, – мягко, но все же приказал Хузар.

– Мы шли в Николот, – начал Калин. – На нас напал мутант. Я потерял сознание, а очнулся у Хуман. Потом поругался с одним из своих и ушел из поселения. Психанул сильно и не заметил, как заблудился в темноте. Шел долго. Потом вы напали. Все.

– Что у хуман делал?

– Лечили они меня.

– Кто вождь у них? Назови того, кто лечил тебя.

– Карман.

– Много чести тебе, – кивнул своим мыслям Хузар и ближе подошел к клетке, тем самым показывая, что не боится мальчишку.

– Так кто же ты? – Хузар смотрел очень проникновенно, с истинным интересом.

Калин молча пожал плечами, не понимая, чего от него хотят услышать, вроде и так уже все рассказал. Боковым зрением он заметил, что вокруг трона девицы закатали натуральную истерику с воем, плачем и ползаньем на коленях.

– Невесты, – усмехнулся Хузар, глянув на эту картину.

Глава 6

– Но отец, он же даже не меченый! – громче всех возмутилась одна из девушек, когда другие роптали тихонечко, еле слышно, больше не возмущаясь, а скорее просто обсуждая новость, бросая на «счастливицу» сочувствующие, а кто и вполне злорадные, довольные взгляды.

Правитель сидел с выражением вселенской скуки на лице, безразлично наблюдая происходящее. Он размышлял, как бы выгодней проверить задуманное и не уронить при этом чести. Окинув взглядом весь свой выводок, Лексий с досадой вздохнул. Столько наложниц, и все как одна приносили ему лишь дочерей.

«Проклятье! – ругнулся он мысленно, гневно поджав губы. – Точно, это проклятье».

Пресечь великий род на корню желают многие, и теперь эти чертовы вожди сватают его девочек за своих выроdkов в надежде вместе с браком заполучить его империю. Его детище! Древний Ковчег – колыбель зарождения всего народа. Нет, он еще не настолько стар, чтобы сдаваться, и возможно, еще сумеет зачать сына. Взгляд плавно перетек на мальчишку.

«Хороший воин, жаль, что придется избавиться от чужака, как только...»

– Отец! – настойчивый тон прервал полет мыслей. – Отец, – с нажимом повторила девушка, – ты же не серьезно? Это твоя шутка, да, я раскусила тебя! – торжественно вскинув подбородок, просияла юная подтянутая особа в черном кожаном костюме, плотно обтягивающем прокаченное тело. Перевязь ремней на торсе с рядом малых кармашков, множество различного размера и формы ножей, прикрепленных повсюду, томагавк на правом бедре и на вид тяжелый подсумок на левом, рядом фляга, а на поясице три небольших мешочка. Бросив короткий взгляд на затихших сестер, воительница многообещающе оскалилась, сверкнув белыми заточенными зубками.

– Нет, Тарна, не шутка. Завтра ты выходишь замуж за этого воина, так что готовься... к свадьбе.

Сказав это, Лексий скривился, словно от зубной боли и отвернулся от дочери.

– Но... – хотела возразить девушка, но тут же, взяв себя в руки, осеклась и, метнув на родителя злобный взгляд, громко отчеканила: – Есть, готовиться к свадьбе! – и сжала челюсти до зубовного скрежета.

Не отрывая руки с широкого подлокотника своего трона, правитель слегка махнул кистью, тем самым давая понять, что разговор окончен, и девушка может отойти в сторону.

Тарна отошла, но не к сестрам, а встала по правую руку от отца и, опустив голову, злобно процедила сквозь зубы:

– Да, отец, все, как ты пожелаешь...

Тарна – пятая его дочь по старшинству, хоть и любимая, но самая неудачная, как считали многие.

«Вот кому нужно было родиться мужчиной, – думал Лексий, – но высшая сила, видимо, тоже ошибается, поместив дух истинного воина в женское тело».

Воинский долг у меченых отдавали все, без разбора половой принадлежности, но высоких чинов, как правило, достигали лишь мужчины.

«Самое главное в этом мире – сила, тактика и хитрость», – так твердили все предки Лексия. Если у тебя есть армия, то не нужны другие умения, все, что требуется, можно добыть в набегах, отобрав у слабых племен. И даже рабочую силу добыть тем же способом, посадив плененных мастеров на цепь, заставив выделывать шкуры, лепить посуду и прочее. Как только мастер становился неспособен выполнять свою работу или попадался более искусный умелец, то прежнего попросту съедали. Люди Алексия держали не только хумановских ремесленников, но и тех, кого посчастливилось притащить с чистых земель. Был у жителей Ковчеха секрет один, который те хранили веками.

Когда Калин увидел этих меченых без боевого антуража, то удивился тому, что выглядели те почти как обычные люди. Немного похожи на неандертальцев: низкие ростом, массивные, перекачанные мышцы у обоих полов, туповатые выражения лиц, угловатые, длиннорукие фигуры, но явных отклонений от человеческих норм у меченых встречалось мало. По крайней мере, за сутки пребывания в плену он повидал местных больше сотни и явных мутантов заметил всего с десятков, в то время как у хуман дела обстояли как раз наоборот. Попадались даже довольно симпатичные представители их рода, особенно дочь вождя, которая стояла по правую сторону от трона и с ненавистью смотрела на Калина. Девушка сильно отличалась от своих низкорослых, широколобых, с массивными скулами сестер ростом, точеной фигурой и аккуратными чертами лица, она явно пошла в отца. Если бы не четыре руки у ее предка, то его вполне можно было бы спутать с обычным человеком. На неандертальца он совершенно не походил. Крепкий, широкоплечий, на голову выше своих соплеменников, живое, выразительное лицо, бледно-голубые глаза, взгляд умный, цепкий. В них искрился разум и мудрость. На вид правителю можно было дать не более шестидесяти лет.

Жители Ковчеха считали себя именно ЛЮДЬМИ, а не глотами и не мечеными, как их называли хуманы. Они являлись прямыми потомками тех, кто долгие годы находился в полной изоляции, где этим предкам удалось пересидеть самые опасные времена излучений, благодаря чему не получить столь явных изменений, повлекших за собой сильные мутации. Это произошло с теми, кто контактировал с новым миром на заре его зарождения. Вынужденное кровосмешение из-за жизни в тесном пространстве, каннибализм и многие другие факторы повлияли на внешность, но больше на разум, сделав их туповатыми, почти животными. В дальнейшем, половые связи с пленными хуманами давали более разумное потомство, но часто уродливое. А вот с пленными людьми с чистых земель дети получались очень хорошие. Это и был главный секрет людей Лексия – чистых женщин беречь для размножения, потомство от рабынь воспринимать наравне с законнорожденными. Другие племена этого не делали и сильно проигрывали в развитии.

Когда разукрашенные и обряженные в костяные маски меченые нападали на поселения, наводя там дикий ужас одним своим видом, и уносили с собой добычу, местные после набега всегда справляли похоронный обряд не только по убиенным, но и по живьем унесенным. Никто из них не мог помыслить, что дочери их и жены продолжают жить еще очень длительное время, рожая миру новых «глотов».

Деградировав практически до животного уровня, жители Ковчеха с притоком новой крови вновь стали развиваться. Наблюдая за общением, действиями своих пленников, они обучались, сами не осознавая того. Военная выучка, муштра, конечно же, претерпевшая немалые изменения, все же осталась в генетической памяти потомков вояк, что в выгодную сторону отличало их от остальных племен каннибалов. Вновь поумнев, жители Ковчеха, «подсматривая» за жизнью людей с чистых земель, видимо, на подсознательном уровне тоже стремясь очеловечиться, начали насаждать незыблемые традиции, тем самым закрываясь ими от понимания, что они уже давно не люди.

Одна из таких традиций – становление мужчиной. Юноша должен был в одиночку пересечь пустошь, выследить и выкрасть себе первую женщину, с которой он и начинал свою половую жизнь и продолжение рода. Мать Тарны являлась именно такой пленницей, похищенной из-под носа охраны. Некий юноша из племени Лексия, идя в деревню за «первой женщиной», наткнулся на стоянку у дороги, где, расположив полукругом повозки, готовились к ночевке путники. Вот тут он и скрал ту, которая в одиночку отошла в кусты по малой нужде. Бесшумно подкрался он к жертве со спины и, прикрыв ей рот ладонью, что бы та не вскрикнула слишком громко, передал шею в нужном месте. Девчонка тихо обмякла, упав в руки похитителя и не издав звука.

Когда Лексию предъявили добытый «трофей», как доказательство полного прохождения обряда взросления, вождь, поразившись красотой юной девицы, предложил испытуемому в обмен на его строптивую добычу одну из своих наложниц, уже покорных, приученных к повиновению. Но столь великая честь, опять же по традиции, не могла быть оказана рядовому, поэтому пришлось еще и повисить юнца в звании, одарив того своим личным клинком. Но оно того стоило, и Лексий ни разу не пожалел о своем душевном порыве. Воин оказался достоин духом и быстро заслужил занимаемую должность по праву. Любимую наложницу правитель меченых вскоре сделал своей женой. Никогда до этого случая рабыня не становилась правительницей Ковчега, только наложницей и не более того. Недовольных поступком вождя нашлось много, но открыто высказать свое негодование смельчаков не сыскалось. Бывшая рабыня, будучи девушкой сообразительной, быстро поняла перспективы и, «утерев соплю», стала вести себя соответственно своему положению. Характером она оказалась бойкая, умом острая. За недолгие годы ее соправления племя Лексия достигло небывалого скачка в развитии. Все шло хорошо у вождя с любимой женой, но вот зачать дитя у них никак не выходило. Народ шептался, что это наказание Высших сил за неподобающий брак.

Люди в глухих балахонах, скрывающих лица, являлись на территорию города редко, но завидев их, все разумные жители Стекляшки падали им в ноги, будь то меченый, или хуман. Кто они такие, доподлинно известно не было, но предполагалось, что это божественные посланники самого Всевышнего – Господа! Мистический страх и глубочайшее почитание испытывали к ним все без исключений. Даже большинство неразумных, диких тварей падали ниц, завидев Господ. Не только чудесные исцеления творили они, спасая подземных жителей от полного вымирания, при этом не делая предпочтений между видами, но кары Господни способны наслать как на отдельного представителя, так и массово. Все это знали и боялись гнева их. Люди в балахонах явились в город на третий год совместного правления Лексия с супругой, которая, увидев Господ, упала пред ними на колени и, уперев лоб в землю, запричитала:

– Приветствую вас, великие Кардиналы, снизойдите милостью, не карайте грешницу...

Кто такие Кардиналы, меченые не знали, но это было не важно. В этом мире они известны всем и каждому, но часто под разными именами, и сколько у них имен, тоже не имеет значения, сути их божественной принадлежности это не меняет.

Долго в тот раз говорили они с Лексием, дольше, чем обычно, а спустя несколько месяцев после Великого посещения живот правительницы заметно округлился. Вскоре родилась Тарна.

Когда дочка ростом еще не дотягивала до бедра отца, любимая супруга скончалась от неведомой болезни, забрав с собой еще не рожденного наследника. Вождь, убитый горем и отчаяньем, вскрыл живот еще не остывшей супруги в надежде спасти дитя. Мальчик... Долгожданный сын... Но видимо было слишком рано для родов. Ребенок не выжил. Больше ни одна стерва не родила ему сына.

«Проклятые бабы!» – утонув в болезненных воспоминаниях, Лексий тяжело дышал. Его ладонь сжимала черепушку, служившую набалдашником подлокотника, не чувствуя, что кости черепа уже трещат, не выдерживая давления. Дочь, рожденная от любимой женщины, взяла всю красоту матери и весь нрав воинственного отца. Лексий часто замечал, как осиротевшую малышку обижают старшие сестры и их матери. Поначалу девочка плакала, жаловалась отцу, ища защиты, но всегда получала один ответ: «Будь сильнее! Дай сдачу! Не позволяй себя обидеть, Тарна!» Вот и выросла из нее настоящая головная боль для седеющего отца.

Первое время он даже умилялся, наблюдая, как его любимица кромсает воображаемых противников, оглушая Ковчег писклявыми, но вполне боевыми воплями. Чем старше она становилась, тем яростнее билась и уже не с воображаемым противником, а вполне с живым. К девяти годам дочурка колотила в кровь тринадцатилетних подростков. Дети боялись становиться с ней в учебный спарринг, и приказ драться с Тарной воспринимали как жестокое наказание. Чтобы остудить пыл дочери, Лексий раньше времени отдал ее в рядовые самому

требовательному командиру, повелев вышибить из девчонки всю дурь. Шли годы, а эта бестия не сдавалась и прослыла самым отчаянным воином. По достижении половозрелости Тарны, появились желающие заполучить девчонку в жены, но та быстро показала, кто в этой семье будет глава, а кто, вполне вероятно, станет ужином, и женихи вскорости перевелись. Семнадцатый год дочке, а ни один здравомыслящий меченый не смеет позвать ее в жены. Боятся. Не кара ли это отцу? Не позор ли?

Лексий вздохнул, ослабив хватку. Несчастный череп жалобно скрипнул. Все старшие дочки давно замужем, а младшие засватаны, но выйти замуж не могут, потому что брак у меченых строго по очередности старшинства. А тут такой случай подвернулся замечательный и от «проблемы» избавиться, и желанный клинок получить. Он думал, совершенно не обращая внимания на злобное шипение кровного чада, слышимое чутким ухом. Слух у Лексия был отменный, видимо дар.

«Пусть только внука мне родит, а там, если Высшие силы не даруют сына, то именно этого мальчика поставлю во главе царства своего».

Представив как юный наследник сидит в его троне и повелевает всем городом, Лексий улыбнулся. В груди у него потеплело. Стало хорошо. Он взглянул на клеть. Чужак хорош, да. Сильная кровь, натурой крепок, и стержень в нем есть. Отличный приплод понесет от него Тарна, главное, чтобы не съела мужа раньше времени и дала ему сделать свое дело. Лексий усмехнулся.

«А может ведь...»

Пленник поднялся на ноги и совершенно спокойно беседовал с Хузаром.

«Смелый мальчик... или глупый? Нет, не глуп он, по глазам видно», – чутье Лексия никогда не подводило, но сейчас оно металось, и одобряя идею с браком, и вопя об опасности. Но желание заполучить заколдованный родовой клинок заглушило вопли интуиции. Этот нож обязательно должен быть если не у него, то у его наследника. Он будет символом их рода, их вечной власти.

– Я не могу жениться на твоей дочке.

– Ты хочешь жить?

– Хочу, – коротко кивнул Калин, глядя в блеклые глаза вождя.

Клеть с мальчиком перенесли ближе к трону, чтобы правителю было удобнее беседовать с пленником, но поставили на приличном расстоянии, опасаясь, что мальчишка со своим волшебством сможет навредить правителю.

– Ты желаешь оскорбить меня? – Лексий сейчас выглядел, словно кот, играющий с мышью перед едой.

– Нет, повелитель. Просто я не имею права на свою семью. Я еще не проходил посвящение в мужчины.

Вождь удивленно дернул бровью и, посмотрев на Хузара, чуть заметно кивнул.

– Сними рубаху, – приказал Хузар. – Повернись, – покрутил он в воздухе пальцем, желая осмотреть торс мальчика со всех сторон. – Никаких следов, мой повелитель. Верно, он мальчишка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.